

КОГДА-ТО, НЕ ТАК ДАВНО...	2
Глиняный этюд	2
ДОРОГА НА СУМГАН	8
ПЕСНЯ О ПОДГОТОВКЕ К ЭКСПЕДИЦИИ	8
ДОРОГА НА СУМГАН	9
СУМГАН-ДВОРЕЦ	10
ПОСЛАНИЕ БОГА ТУРИСТОВ ХОБЫ К БОГУ СУМГАНА	11
ПЕСЕНКА ПОДЗЕМНОГО КИНООПЕРАТОРА	11
ОБНИМАЯ БЕРЕЖКИ СТАН...	12
ПОХОД ЗА ХЛЕБОМ	12
НЕВОЗМОЖНОЕ ТАНГО	13
КУТУКСКИЙ КРАЙ, УРОЧИЩЕ	15
ПОЧТА СТАРОГО СУМГАНА	16
В РАСПОРЕ	24
ДО СВИДАНИЯ, СУМГАН	27
ДОРОГА ОТ СУМГАНА	27
ВОСПОМИНАНИЕ	28
СКАЖИ-КА МНЕ, ДРУЖИЩЕ	28
ДРУЗЬЯМ	29
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДОРОГЕ СУМГАН-СИРЯТЬ И, В ЧАСТНОСТИ, О СЕРАФИМОВЕ	30
ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА	32
А ДОРОГА НЕ КОНЧАЕТСЯ...	37
ЕЩЁ ОДНА ДОРОГА ДОМОЙ	37

*Всем тем, кто шёл с нами рядом...
Спелеологи Усть-Каменогорска
Март 1984 г.*

Горы кругом, горы кругом знакомые,
Сванские башни рвут на куски облака.
С каждой минутой ближе и ближе к дому мы,
Видно, оттуда достала нас эта тоска.
Сядь покурить, сядь на рюкзак уложенный.
Камень пошёл грохотом дальних копыт,
А перевал, завтра простой и хоженный, -
Просто последний бросок до Ингурской тропы.

Вроде, пора, вроде, пора соскучиться,
Вроде, пора всем нам хотеть домой.
Кто же теперь, ну кто же теперь поручится,
Что не вернёшься ты в город, словно чужой?
Что ты грустишь? Будем встречаться семьями,

Слайды посмотрим, выпьем с тобой пивка,
Ну а на большее просто не хватит времени...
Мы посмотри, расшумелась наша река.

Что ты сказал? Да как всегда не ладится.
Может быть, встретимся, ну а скорее, что нет.
Ты же ведь знаешь, ну не идти же кланяться,
Все, вроде, правы, да только ответа вот нет.
Время идти, дай помолчим и тронемся.
Каждый нагнулся, каждый поднял свой груз.
Мы по тропе, словно по жизни, ломимся,
Завтра она оборвётся... и пусть.

КОГДА-ТО, НЕ ТАК ДАВНО...

К. Серафимов

Глиняный этюд

Если смотреть на эту засыпанную снегом землю сверху, скажем – с самолёта, её вид вряд ли кого-нибудь поразит. Пологие холмы и увалы, покрытые серо-белыми пятнами леса: тёмные ветвистые полосы – лога, светлые – взгорки. Лишь изредка мелькнёт внизу прихотливо петляющая ленточка дороги да два-три зарывшихся в снег домишки. Сверху людей не разглядеть, да и есть ли они сейчас тут, в этом сверкающем зимнем опустении?

Хорошо сидеть в тёплом, уютном кресле самолёта, слушать задумчивое гудение двигателей, думать о разном, глядя сквозь толстое стекло на медленно ползущую под крылом обледенелую ленту реки, плавно изгибающуюся меж крохотных обрывчиков-прижимов. Если смотреть сверху, никогда и не подумаешь, что земля эта, мирно дремлющая под толстым снежным одеялом, изнутри больше похожа на огромный голландский сыр. Промытая, пробуровленная неугомонной разрушительницей-водой, на только снаружи прячется в толстый халат благообразности. Внутри же – хаос вертикалей и горизонталей, глины и камня, льда и воды. Внутри – мрак.

Но, даже представив себе всё это, Вы, летящие в морозном сиянии дня, в комфортабельных креслах, глядя вниз и морщась от прощальных лучей заходящего солнца, - Вы не пойдёте дальше по зовущей тропе воображения. Вам и в голову не придёт, что там внизу, в толще скалы, в самом сердце укрытого снегами сыра, имя которому – Пещера, - в эту самую минуту горит свеча...

...Они сидели в Нижнем лагере у колодца Вейса. Тусклое пламя свечи роняло багровые отсветы на их исцарапанные каски, измазанные глиной комбинезоны, тяжёлые - тоже в глине – ботинки. Рядом – протяни руку – деловито пыхтел примус, упорно борясь с промозглым холодом пещеры.

- Гнилая штука – спелеология, - сказал первый, в который раз выпуская из примостившегося на примусе котелка облако пара. – Особенно зимой. Не кипит, зараза!

Попробуй смотреть на вещи философски, - сказал второй, склонившись над грудой грязных верёвок и металла. – Например, то, что я ни черта не вижу, может указывать либо на недостатки нашего аппарата видения, - он задумчиво почесал свалывшуюся под ремешком каски бороду и поправил на носу очки, - либо на скудность освещения.

Первый покосился на него:

- Не будь скрягой, - посоветовал он, - и зажги ещё одну свечу. У нас полвагона стеарина.

- Братишка Рустик, - проникновенно сказал бородатый, - я всегда утверждал, что у тебя светлая голова. Жаль только, что она не годится для освещения...

Порывшись среди разложенных у стены в относительном порядке баночек и мешочков, он извлёк новую жёлтую свечу, очистил фитилек и зажёл. В лагере сразу стало светлее, и отчётливее проступили вокруг поблескивающие влагой чёрные стены.

- Расточитель, - сказал бородатый. – Расточитель, но голова!

- Во! – сказал Рустэм. – Белые ночи!

- Рыжие! – буркнул бородатый, роясь в своей куче. – В чёрную крапинку.

- Можешь задуть, - с готовностью согласился первый и снова взялся за крышку котелка. – А, чёрт!

Бородатый с интересом оглядел дующую на пальцы фигуру.

- Поцелуй фортуны, - констатировал он. – Готово, что ли?

- Готово.

Рустэм повернул ручку. Уютное басовитое гудение примуса стихло, и в наступившей тишине выпукло застучала бьющая с невидимого свода капель.

- Интересно, сколько уже натикало? – спросил первый, разливая по кружкам дымящуюся жидкость.

- Сейчас произведу раскопки, - сказал бородатый, расстёгивая рукав комбинезона. Счистив с пуговицы засохшую глину, он завернул манжету, оттянул влажную шерсть свитера, отодвинул рукав рубашки и только тогда добрался до циферблата часов.

- Ого! – сказал он. – Однако, полдесятого!

- Двадцать один тридцать, - уточнил Рустэм, вспарывая ножом пачку рафинада. – Нормальные люди уже спят.

- Нормальные люди сидят дома, - отозвался бородатый, устраняя беспорядок, произведённый раскопками.

- Пей, философ!

Запах горячего чая приятно щекотал ноздри.

- Твоя правда, - бородатый потянулся за кружкой. – Пьём и идём на связь. Полчаса осталось.

Приближалось время связи. Тоненькая жилка телефонного провода пронизала толщу скалы. Дважды в сутки она объединяла тех, кто был разбросан работой по причудливым лабиринтам Пещеры. И, перебивая друг друга, летели вверх и вниз по проводу голоса: радостные и тревожные, звонкие и хриплые, шутливые и озабоченные. Приближалось время связи, и каждый внутренне торопил его приближение, потому что все труднее было сдерживать в себе этот единственный и ёмкий до бесконечности вопрос: как там?

Как там, на земле, всё так же холодно? А снег? Или на небе звёзды?

Как там, на верхнем ярусе? Что дала съёмка?

Как там в сифоне? Много ли воздуха в аквалангах?

Как там?

- Ну, что там? – Рустэм, переминаясь с ноги на ногу, гулко хрустел щёбёнкой. – Не слышать?

- Тихо пока, - бородатый поудобнее пристроил к уху коробочку телефона.

От колодца на Верхний ярус противно тянуло холодом. Ажурные сплетения инея серебрились на промёрзших стенах.

Рустэм зябко передёрнул плечами:

- Нашли местечко! – сказал он. – Ни вам отопления, ни печки, ни даже камина паршивого!

- Вот тебе камин, - не отрываясь от телефона, сказал бородатый. Луч его фонаря ткнулся в уходящую куда-то вверх чёрную каменную трубу. – Грейся, пожалуйста. О! – он ещё ниже склонился над телефоном. – Кажется, идут.

- Не стучи зубами, - посоветовал Рустэм. – Здесь можно без морзянки.

- Нет, показалось, - сказал бородатый. – Спят они, что... Да! Да! – вдруг закричал он в микрофон. – Да, я Нижний, я – Нижний!

Рустэм вздрогнул и упёрся лучом в скрюченную у стены фигуру. Сумасшедшее эхо закувыркалось под сводами.

- Ну что, есть?

- Ага. Что-то плохо слышно... Эва, Верхний! – снова заорал он. («Побереги технику», - забеспокоился Рустэм), - Верхний, плохо вас слышу! Во! Теперь хорошо. Кто на связи? Радик? А где Ветров? Чего-чего?

По лицу бородатого поползла тень. Не отрывая телефона от уха, он резко выпрямился.

- Потихе, - сказал Рустэм, - жалко пещеру.

Бородатый свободной рукой вернул на месте съехавшую от удара о потолок каску.

- Хреново, - сказал он.

- Хреново, - сказал бородатый, и его чёрная лохматая тень колыхнулась на стене. – Они не вернулись.

- Кто? – спросил Рустэм.

- Тройка Ветрова.

- Откуда?

- С Большого Кольца.

- Давно?

- Только что, - сказал бородатый. Слушай, не работай, как компьютер. Что – «давно»?

- Повторяю по буквам: контрольный срок давно вышел?

- Два часа как, - бородатый зло сплюнул. – Они там все думали, что вот-вот. Ну и вот!

Белая мыльница телефона подрагивала в его руке.

- Старик, - сказал бородатый, отставить север. Климат резко меняется на субтропики. Давай бегом к Вовчику, а я полез на Верхний. Саня меня подстрахует.

- Вовчик сейчас в сифоне, а у меня нет удочки... - удаляющийся лязг триконой заглушил слова Рустэма.

- Связь через каждые полчаса! – крикнул вдогонку бородатый и загрохотал к колодцу.

Пот заливал глаза.

- Потихе, - прохрипел Саня, падая рядом на холм рыхлой от сухости глины. – Ещё немного, и нас самих придётся нести...

- Англичане сдохнут от зависти, - выдохнул бородатый, размазывая глину по мокрому лицу. – Через Эверест галопом на карачках! «Голов Америки» уже охрип. А, Раф? Сдохнут англичане? Давай рюкзак.

Раф молча соскрёб с плеча мокрую лямку. «Эверест» - эта сорокаметровая, скользкая от жидкой глины гора на Большом Кольце Пещеры, в компании с рюкзаком, в котором они несли верёвки, не оставила ему сил на разговоры.

- Вперёд!

Пудовые ботинки сотрясали своды. Теперь можно было бежать в рост без риска споткнуться головой о какой-нибудь зазевавшийся выступ на потолке. Три человека, три перемазанные до неузнаваемости фигуры мчались по упругому полу просторной галереи, их чёрные тени сплетались в бешеной пляске под грохочущими сводами, и Эхо хохотало им вслед.

Три человека – спасотряд.

Ещё трое в оставшемся за спиной Верхнем лагере кипятили на примусах воду, то и дело поглядывая на часы. А в пятидесяти метрах под ними, в Нижнем ярусе, прирос к телефону Рустэм, чтобы, если всё-таки случилось, поднять по тревоге аквалангистов Вовчика...

- Всё! – сказал бородатый. – Саня, будь другом, посмотри, сколько от меня осталось?..

- Видимость одна, - сочувственно пропыхтел тот, - и, надо признаться, весьма мерзкая.

Они стояли на узенькой полоске расчавканной бурой глины. С низкого свода текло, и капли мелко сыпались в обширную глинистую лужу у стены.

Бурное дыхание оседало испариной на замызганных касках.

- Морду набью, - сказал Саня. – Если они просто зарвались, набью морду.

- Хорошо бы, - бородатый оценивающе щупал фонарём круто уходящий вверх осклизлый каменный жёлоб с расклиненным поперёк бревном. Оттуда, сверху, свешивался конец мокрой верёвки.

Из темноты надвинулся Раф, тяжело перепрыгнул на их островок.

- Осторожнее, - буркнул Саня, - ковчег перевернётся.

- Борьба за место под душем! – криво усмехнулся Раф. – Сколько мы идём. Костик?

- Тридцать пять минут, - сказал бородатый, растирая по запотевшим очкам глину. – Тридцать пять минут – и семисот метров как не бывало!

- В жизни так не бегал, - Саня смотрел вверх. – Хорошо, что ты вылез, Костик, - я бы не нашёл эту «катушку»...

- Вперёд, бокоплав! – кивнул бородатый и заскрежетал триконями по жёлобу.

Лёнька с трудом отодрал комбинезон от перегиба и выполз из колодца. Полудохлая лампочка – последняя их надежда – папиросным окурком тлела на исцарапанной каске. Папиросный окурочок – и километр пещеры. Силы были явно не равны, но там, внизу, на дне этого проклятого Глиняного колодца, сидели без света двое...

Что будет, если потухнет и это жалкое подобие фонаря, Лёнька старался не думать. Оставалось только молиться, чтобы этого не произошло. Молиться и ползти.

Расширенными зрачками Лёнька нашаривал опору. Надо было спешить, но он твёрдо запомнил одну старую японскую мудрость:

- Нэ торопыза, - сказал Лёнька, поскользнулся и боком съехал по жирному от глины откосу.

Их контрольный срок истёк уже два часа назад, но ни звука не доносилось оттуда, куда брели непослушные от усталости Лёнькины ноги.

- Где-то в этом погребке должна быть дверь, - пробормотал Лёнька, озираясь.

Галерея вывалилась в зал. Откуда-то слева издевательски громко булькала капель, но идти надо было вправо – это Лёнька помнил хорошо. И он пополз вдоль стены, для верности ощупывая её руками.

Сколько времени прошло?

Где-то далеко приглушённо грохнуло и мягкими крыльями зашуршало под сводами. Идут? Лёнька замер. Нет, показалось.

- Спят, собаки, - сказал Лёнька. – Эва-а! – наудачу заорал он и поразился, насколько разбуженное криком эхо исказило его голос. – Спят, не иначе, - горько прошептал он и встал на четвереньки.

- Тихо, - сказал бородатый. – Раф, не скреби когтями... Орут?

Трое замерли на краю двухметрового уступа, гостеприимно приглашавшего в округлую лужу под собой. В воду с бульканьем били сверкающие капли.

- Эва-а-а! – донеслось из-за поворота.
- Это Лёнька, - Саня примеривался к уступу. – Я прыгаю.
- Не спеши, - сказал бородатый. – Наши похороны без нас не начнутся... Раф, давай верёвку.

Прошло уже почти четыре часа с тех пор, как Серёга Ветров получил от судьбы сразу три подарка.

Выход получился удачным. Втроём они выскочили в незнакомую систему ходов, пробрались руслом белоснежной Гуровой речушки, как бы бросившей вызов своему глиняному окружению, но, спустившись в сорокаметровый колодец в её конце, упёрлись в сифон.

На подъёме они потеряли ось самохвата и угробили кучу времени. А время поджимало. До контрольного срока оставался всего час, а над головой всё ещё нависал карнизами Глиняный колодец.

И что хуже всего, они стремительно теряли свет. Два уцелевших фонаря выжимали последние соки из подсевших батарей.

Проклиная на чём свет стоит облепленную глиной верёвку, Серёга сходу начал подъём, но тут измусоленный и измученный своей тяжкой работой репшнур, которым он привязал к ноге последний оставшийся у них самохват, с громким щелчком лопнул, и Ветров повис на самостраховке.

До стены колодца было не очень далеко, но руки! Жгут грудной обвязки лишал их крови. И уже не было сил, чтобы вцепиться в эти проклятые стены, не было сил, чтобы подтянуться по осклизлой струне верёвки.

Боль от обвязки туманила мозг, и поэтому Ветров не смог сразу оценить всей щедрости фортуны, по оплошности сделавшей Серёге сразу три подарка.

А первый её подарок заключался в том, что проклятый репшнур лопнул не в десяти, не в семи и даже не в четырёх, а именно в трёх метрах от дна колодца.

Второй – что, испробовав все средства (в том числе и ободрав ему физиономию о скалу, которую кто-то позабыл обить дерматином), Лёньке, взгромоздившись на Синникова, всё-таки удалось дотянуться до ветровских ног и уже по ним вскарабкаться ровно настолько, чтобы обломком стекла от их предпоследнего фонаря – ножа ни у кого не оказалось – перепилить дрожащий под двойным весом шнур самостраховки.

И третий – что на все эти манипуляции парням потребовалось всего лишь немногим более получаса. Чего, однако, хватило, чтобы налившиеся болью Серёгины руки объявили, особенно правая, полную забастовку.

Ту мелочь, что, пролетев три метра, они упали не на ребристый выступ скалы на дне колодца, а в мягкую, удивительно слякотную жижу, - тоже можно было считать приятным сюрпризом. Но не слишком ли много подарков за один день?

Они работали молча, вкладывая в каждый рывок верёвки всю накопившуюся ярость скрученных в пружину нервов.

- Живы, - хрипло сказал Лёнька, щурясь в трёх дымных лучах, вместе с набегающим топотом ног с поразительной лёгкостью разметающих вокруг него мрак и тишину.

- Живы! – и в ту же минуту эта пружина, взведённая до отказа долгими, как ночь, мгновениями ожидания и вопроса – пружина из нервов – начала стремительно распрямляться, заливая неосознанной ещё радостью сердца, заледеневшие в схватке с неизвестностью.

- Мужики, - Саня вместе с Рафом оттаскивал Ветрова от края колодца, - если и второй такой же – уволюсь! Слышишь, Синников?

- Что? – донеслось со дна колодца. – Не понял! Повтори!

- Интересуется! – удовлетворённо хмыкнул Саня. – Ну-ка, Ветрыч, дай, я на тебя посмотрю!

- Красавчик! – восхитился бородатый, ощупывая глазами исцарапанную Серёгину физиономию. Кровавые ссадины вперемешку с грязными подтёками украшали его круглое лицо замысловатым орнаментом.

- Это мы его о скалу, - хмуро пояснил Лёнька. – Попробовали подкачнуть, а у него руки уже были того...

В коренастой фигуре Ветрова, в его нелепо растопыренных руках, в кривой улыбке было столько неуловимого юмора, что даже выжатый, как губка, Лёнька не удержался – фыркнул.

Они стояли на краю колодца, давясь неудержимо рвущимся сквозь стиснутые губы смехом, до сих пор ещё слабо соображая, до чего же всё здорово обошлось.

- Ой, мамочка! – трясся Саня. – Серый, тебя Москва не примет! Мы тебя в рюкзаке домой повезём: ты же всех пассажиров распугаешь!

- Сфотографируйся и набей морду фотографу! – всхлипывал Раф.

- Нет, ты сознайся, за что они тебя? – бородатый в изнеможении прислонился к стене.

- Черти, хрипел Ветров, - у человека горе, а они!

И всё силился сдержать лихорадку нервного смеха, сотрясавшего его от каски до бесформенных в глине ботинок.

Но в колодце тосковал и изнывал от зависти Синников, и Саня уже снова распутывал бурые кольца страховочной верёвки.

- Валерка, цепляй конец! Сейчас мы тебя вспорхнём!

- Покурить оставьте, ангелы! – донеслось из колодца, и четыре согбенные тени разом вцепились в неподатливую струну полиспаста...

Позади давно остался каменный жёлоб «катушки», по которому, поделив оставшиеся рукавицы, чтобы не ссадить и без того истёртые ладони о рашпиль верёвки («Мне не надо, - сказал тогда Синников, - у меня всё равно руки грязные»), долго спускали Ветрова и, наконец, спустились сами.

Уже почти час назад убежал – черепахи умерли бы от зависти – Раф, торопясь сообщить оставшимся в лагере, что всё в порядке, и, наконец, можно стряхнуть с плеч комбинезоны, а с души – тревогу.

А они всё брели, спотыкаясь, по нескончаемому километру Большого Кольца – два фонаря на пять человек. Впереди, в лагере за Эверестом, горели примусы и вкусно пахло, а они всё шли, шатаясь под грузом вдруг навалившейся усталости.

- Ну, живой? – Рустэм, улыбаясь, приплясывал на белом от снега дне нижней шахты.

- Было б толку, - отозвался бородатый, отстёгиваясь от заиндевевшей верёвки. – Я, между прочим, только что совершил затыжной прыжок... Ты почему один, где репортёры?

- Вымерзли, - сказал Рустэм. – Я скоро тоже.

- Жаль, - сказал бородатый. – Прыжок-то был без парашюта, на одной рогатке. Верёвка, понимаешь, обледенела – я и поскользил... Несёт, собака!

- Вон что! – помогая ему отцепиться от страховки, Рустэм понимающе глянул вверх. – А я-то думал, ты спешишь в объятья восхищённой толпы, - он обвёл широким жестом набычившиеся стены. – До тебя там чепчики не долетали?

- ...Ещё сказал этому парню, чтобы страховал помягче, - не слушая его, бормотал бородатый. – Не держи, говорю. Ну и пошёл... Метров десять, считай, падал. Он, конечно, держал: думал – я так спешу... Еле затормозил.

У него слипались глаза, и фразы получались скомканными, как будто путались в бороде.

Скользя, они с Рустэмом пересекли огромный обледенелый зал. Справа возник и, нарастая, повис в ушах могучий шум невидимого потока.

- Умыться не хочешь? – кивнул Рустэм. – У тебя вся личность в гря- ..., пардон, в глине.

- Мою личность хоть выжимай, - передёрнулся бородатый. – Ты никогда не задумывался, сколько пакостного смысла заключено всего в четырёх буквах: в-о-д-а? А здесь, кстати, сквозит.

- Забыл Сане сказать, чтобы закрыл у себя наверху форточку, - сокрушился Рустэм. – То, что ты здорово смахиваешь на половую тряпку, тебя не спасёт. В спальник не пущу.

- Изверг, - сказал бородатый. – Чёрт с тобой, показывай рукомойник!

У «Ниагары» они остановились.

– Покурим, - сказал бородатый. – Слышь, Рустэм, давай подымим.

- Ты ж на ногах не стоишь, - сказал Рустэм. – В лагере какао стынет.

- Покурим, - упрямо сказал бородатый и сел на корточки у стены. – Смотри, красота-то какая...

С невидимого в вечной ночи свода, искрясь, тёк бело-голубой каменный каскад. Гигантский, он завораживал взгляд своей фантастической красотой.

Они закурили, и синий дым волнами закачался в жёлтых лучах фонарей.

- Как там Ветрыч? – спросил Рустэм. – По связи передали, что всё в порядке.

- Обошлось, - кивнул бородатый. – Обошлось, но мы опоздали. Он везучий, Ветрыч. Он провисел всего полчаса. Если бы Лёнька его не срезал, к нашему приходу он провисел бы все три. В лучшем случае, потерял бы обе руки... Хотя, говорят, мало кто может сам рассказать, что выдержал три часа. Понимаешь?

Они курили, а каменная Ниагара в великом безмолвии качала перед их глазами свои застывшие струи.

- Пойдём, - сказал Рустэм. – Я позаимствовал у Вовчика часы, а на них уже шесть. Догадываешься, чего?

- Утра, - усмехнулся бородатый. – Нормальные люди уже начинают лупить по будильникам.

- И, кстати, делают это дома, - заметил Рустэм.

Они тяжело брели к лагерю, а где-то высоко над ними, над скованной морозом и сном белой землёй, летел самолёт...

ДОРОГА НА СУМГАН

Песня о подготовке к экспедиции

К.В. Серафимов

Мы в замкнутом кругу
Отчётов и бумаг
Рисуем карты дальних переходов,
Где тени на снегу,
Где так редки дома,
Где, как пожар, закаты и восходы.

Где кедры на снегу,
Где так редки дома,
Но мы сидим в кругу
Отчётов и бумаг.
Гадаем, что к чему,
Лишь тени на стене:

Не ясно никому,
Что будет, а что нет.
А мы сидим в дыму
Измятых сигарет,
И на бумаге чертятся раскладки.
Не ясно никому,
Что будет, а что нет,
Но нам сквозь строчки чудятся палатки.
Не ясно никому,
Что будет, а что нет,
И тонем мы в дыму
Измятых сигарет.
Укроет ночь дома,
Лишь в нашем свет окне,
Растёт гора бумаг...
Что будет, а что нет.
В чернильных кружевах
Игрушечной реки
Мы видим пену дальних перекаатов.
Ложатся, как листва,
На белые листки
Грядущие рассветы и закаты.
Ложатся, как листва,
Измятые листки,
На карте кружева
Игрушечной реки.
Я что-то не пойму...
Налей чайку и мне.
Не ясно никому,
Что будет, а что нет.
Мы в графиках крутых
Ломаем этот склон,
Ложится крест на перевал усталый.
Плывут в глазах хребты,
И наш ласкают сон
Далёкие улыбчивые скалы.
Плывут в глазах хребты,
Смыкает веки сон,
И в графиках крутых
Уже не страшен склон.
Хребты плывут, плывут,
Уж теплится рассвет...
Увидим наяву –
Что сбудется, что нет!

июль 1983

Дорога на Сумган

А. Гановичев

Мы идём на Сумган после долгой разлуки,
Нам не терпится встретиться с ним.
Как живёшь, старина? Так пусть наши руки
Станут силой одной и дыханьем одним.

Ты прости нас, Сумган, что так долго блуждая
По пещерам и шахтам другим,
Мы к тебе не приехали, мы это знаем,
Ты прости нас за это, бог с ним!
Но, Сумган, ты поверь – мы тебя не забыли,
Чрез тьму расстояний ты виделся нам.
Мы пришли, ты проверь тех, кто раньше здесь были,
Все, кому ты помог в исполненье мечты.

июль 1983

* * *

*Посвящается спелеологам со стажем,
ставшим инструкторами*

Мы с тобою не раз нашу жизнь без прикрас
Пополам, как горбушку делили.
Улучур помнит нас и суровый Кавказ –
Все места, где когда-то мы были.

Припев

И мы опять идём туда,
Где трудно, где шумит тайга,
Где ждут пещеры нас с тобой,
Смелее в бой!

Нам с тобой не впервой, раз, не помню в какой,
Мы с тобою собрались в пещеру,
До сих пор не угас огонёк твоих глаз,
Не исчезла из душ наших вера.

Мы остались с тобой с нашей верой святой
И уж группы в пещеры мы водим.
Но опять возвращаем наш первый поход,
Словно снова его мы проходим.

СУМГАН-ДВОРЕЦ

А. Васюков

Из уютных и тёплых домов
Нас с тобой позвала дорога,
Словно песня волшебных троп,
Позвала от родного порога.
Словно песни заветной слова,
Сердце вспомнило, наконец:
Сумган – пещера, Сумган – пещера,
Сумган – пещера, Сумган – дворец!

Где-то там далеко, наверху,
Пенье птиц, солнце ласково светит,
Но идти нам сегодня во тьму –
Здесь мы все друг за друга в ответе.
Тишина зачарованных скал –
Только слышно биенье сердец:

Сумган – пещера, Сумган – пещера,
Сумган – пещера, Сумган – дворец!

В лабиринтах запутанных гор,
В разноцветье камней бессчётных
Вижу я молчаливый укор
Дорогих синих глаз бездонных.
Завтра выйдем с друзьями наверх,
Я тогда подарю я тебе
Сумган – пещеру, Сумган – пещеру,
Сумган – пещеру, Сумган – дворец!

Послание бога туристов Хобы к богу Сумгана

А. Капустян

К тебе, тому, кто никогда
Не видит света
Луны, и звёзд, и солнца,
Спустился нынче горный
Дух Алтая.
- Придя к тебе с почтеньем,
Я учтиво привет принёс
Земного дня, который
Здесь чужд, и лишь на входе
В твои владенья существует
Бледной тенью самого себя.
Прими ж меня, как гостя дорогого,
Доколе край родной
К себе не призовет меня отсюда.
Тогда уйду я. Но останется
Моё изображение. Я же стану
Опять в своей земле
Встречать туристов
На горных тропах, вознося
Дымы от их костров
К седым вершинам.

Но если ты опять
Звать вздумаешь меня –
Приду опять я гостем ненадолгим
Твоим, Сумган,
Чтоб после вновь уйти.

И будет так,
Пока сияют звёзды.
Хоба.

Песенка подземного кинооператора

К. Серафимов

(посвящается Совкино)

Мне привязали карабин и «Красногорск» на шею,

Хотел ещё напомнить им – летать, мол, не умею,
Но Шеф сказал, теперь держись, покуда жить охота,
И тут – пинок, я рухнул вниз! И началась работа.
 А там, над Сумганом, на страшной высоте
 Сидят на страховке довольные те,
 Кто будет с диким хохотом сейчас меня спускать,
 Пока я буду корчиться и камерой трещать.

Я трансфокатор повернул, я высветил карниз,
Но близко к краешку шагнул и сдуру глянул вниз...
Кто там сказал, что дело дрянь, когда дрожит рука?
А тут колени так дрожат, что ёкает в боках!
 А там, по уступам, на жуткой высоте
 Скользят на рогатках довольные те,
 Кто думает, что я их приполз сюда снимать,
 Замаявшись корячиться и маму вспоминать!

И вот ползёшь, в коленях дрожь, и кофр сзади волочёшь,
И сам похож на продранный мешок,
Потом, как круглый идиот,
 ты глину сыплешь на живот,
 и рад, как сытый бегемот:
Ты сохнешь, и тебе ужасно хорошо!
 А там, по колодцам, на жуткой высоте
 Скрипят на зажимах довольные те,
 Кто с глупыми улыбками влезть в кадр норовят...
 А этот, гля, корячится – ну вылитый червяк!

Я каску поднял от земли, я камни прожевал,
И с морды глину соскоблил, подшлемничек отжал,
И сам себе сказал я: «Ша! Пора кончать работу.
И так уж вылитый мышан... Мне к солнышку охота!»
 Ведь там, среди сосен, на ласковой земле
 Сидят все сухие и сытые те,
 А мне по колодцам ещё наверх хилить –
Экспедит твою, грязища, в сталагмит пещеру мать!

ОБНИМАЯ БЕРЁЗКИ СТАН...

Поход за хлебом

В. Фитисов

Поспешнее за хлебом
С Ириной мы идём,
Нам 20 булок надо
Достать, хоть грянет гром.
Прошли мы полдороги,
И бросили здесь нас:
«Нам не нужны калеки!» -
И скрылися из глаз.
Мы плакали вначале –
Дорог не знали мы,

Но раз нас обязали,
То мы вперёд пошли.
Но из-за поворота
Внезапно, как корова,
Явились Люба, Оля,
Ирина, Вадик, Вова.
Мы долго издевались
И почти рядом шли,
Но вновь они собрались –
Ушли, ушли, ушли...
И так мы догоняли
Раз пять, а может – шесть,
Хи-хи, ха-ха звучали
За спинами у тех.
В Мелеузе расстались,
Хоть жаль было до слёз,
Мы крепко обнимались,
И не было лишь роз!
Обратно на подводе,
Почти как короли,
Сидели, мешков вроде,
До места ехали.

* * *

В. Фитисов

Я, Васюков-Кутукский,
Немало повидал,
Объехал я полсвета
И вот сюда попал.
Меня здесь уважают,
Небритым не зовут
И даже заставляют
Спуститься вниз, а тут:
Сумган – пещера, Сумган – пещера,
Сумган – пещера, Сумган – дворец!
Тут красота такая,
Пером не описать.
Тут в Вейсовый колодец
Спущусь, как дважды пять.
Я в Храм зайду сначала,
Колени преклоню,
И пусть всем мышанам
Всё время я кричу:
Сумган – пещера, Сумган – пещера,
Сумган – пещера, Сумган – дворец!

Невозможное танго

(девушкам Сумгана)

Е. Зинин

- ...Мне кажется, старик,
Что Сумган вполне заменяет женщину...

Невозможное солнце
Освещало мне каску,
Пробивая лучами
Недра нашей земли.

 Два моих самохвата
 По облезлой верёвке
 Безо всякой страховки
 Меня к вам принесли.

Как мечтал я о встрече,
Брюхом черпая воду,
Когда с вашей вибры
Кушал адскую смесь.

 Как мечтал рукавицей
 Заскорузлой коснуться
 Скрытой комбинезоном
 Белизны ваших плеч!

Невозможное солнце
Скрежетало по каске
Чуть набитою глупой,
Но моей головой.

 Этой каскою красной
 Я маленько стучался,
 Дёргаясь на верёвке
 Об карниз надо мной.

Как мечтал я губами
Прикоснуться к верёвке,
К той, которой не стали
Вы меня страховать.

 Как я жаждал увидеть
 Ваши тонки брови,
 Чуть покрытые глиной
 Сантиметров на пять.

Как желала я свой кембрик
Опустить в ваши руки,
Зачерпнувшие в луже
Воду с мелкой трухой.

 Фотография ваша,
 Побывавшая в супе,
 До сих пор не обсохла
 На груди молодой.

Стало чуточку ближе
То желанное время,
Когда два самохвата
Да мои стремена

 Вынесут на поверхность
 И к ногам вашим бросят
 Всё, что, вроде, осталось
 От любви и меня.

Невозможное солнце
Меня вмиг ослепило,
Когда я на карачках
От дыры отползал.
 И, отбросив приличья,
 Вас едва замечая,
 Я губами к крапиве,
 Как безумный, припал.
Вы, наверно, поймёте,
Что сегодня напрасно
Ждали вы, чтоб забыться
В наш любовный туман.
 Вам скажу откровенно,
 Что вполне заменяет
 Все любовные страсти
 Этот жуткий Сумган!

Кутукский край, урочище

Ф. Фитисов

На Сумгане красота прелестная,
О Сумгане ходят слухи лестные,
Для Сумгана отпуска берут
И очень долго ждут.

Припев:

Кутукский край, урочище,
Здравствуй и прощай.
Кутукский край, урочище,
Меня не забывай!

Люди здесь всегда толковые,
Каждый год почти что новые,
Им не нужен городской уют –
Здесь их пещеры ждут.
Кутук, Зигзаг пещеры есть,
Остальных же дырок здесь не счесть.
Несравнима с ними лишь одна –
Сумган-Кутукская.

Это чудо из чудес одно,
Мы твердим со всеми заодно
И в восторге от чудес таких
Вновь пишем стих.

Но не сможем мы красоты те
Описать, увидев и во сне.
Это нужно только увидеть,
А так вам не понять.

* * *

В. Фитисов

На связь,
На связь скорее!
Не слышу ничего!
И где он потерялся?
Где носит чёрт его!
 И вот я появился, меня уже все ждут.
 Недаром меня люди как только ни зовут...
Я телефон подземный –
С пещерой связь держу,
Вот к краю подобрался
И вниз опять кричу:
«На свя-а-а-а-азь!!!»
 Ещё меня недавно
 Прозвали «Совкино»,
 Согласен с этим, ладно,
 Таскали лишь бы всё!
 И камеру, и вспышку,
 Блок батареек к ней...
 Я – царь здесь, не мартышка!
 Скажи: «Мышан» - и крышка!
 Я всех тут совкиней!

* * *

Е. Семашко

О, Сумган-Кутук пещера
В галереечках кривых,
Мышки там всегда летают
Вдоль уступчиков крутых.
Говорят пускай иные,
Что получше есть житьё,
Я доказывать не буду –
Видно, каждому – своё.

Я бывала и в столице,
Проживала я в Москве
И в поход не раз ходила –
Знаю прелести везде.
Но, поверьте, не мечтала,
Что увижу наяву
Я такую вот пещеру и такую красоту.

О, Сумган-Кутук пещера,
Часто вижу я во сне
Твои сказочные залы,
Геофак и Эверест.
Ты не просто ведь пещера,
Ты – святое волшебство.
Мы – рождённое тобою
Братство верное твоё!

Почта старого Сумгана

Всем! Очень рада за знакомство. Приятно провести эти дни среди увлечённых нелёгким и опасным, но интереснейшим видом спорта. Желаю всем самого наилучшего.
До свидания.

Л. Хван

Костя, наши крайние пикеты – 50, 58, 63, 65. Особый интерес представляет пикет 65. Взят на карнизе над подземным озером. Думаю, что в него стекают все воды ближайшей системы (Болото), а может быть, очень может быть, озеро сообщается с рекой.

Теперь о Толмачёве. Их контрольный в ??? Если их в 2 часа не будет, к шахте побегут люди из лагеря, если придут, то на связь никто не придёт. Ждать с 2:00 до 2:30.

Всё. Хочу спать.

Шакалов

Серафимову.

Здравствуй, Костя! Спасибо тебе за всё, что я здесь увидела, узнала. Сумган не пройдёт для меня бесследно. Тебе же желаю удачи. Пусть Сумган порадует тебя новыми открытиями.

До встречи в Усть-Каменогорске.

Хоп. Л. Толст.

Косте Серафимову.

Костя! Большое спасибо за спелео, за чудные прекрасные вечера, за радость общения. Желаю творческих успехов в поиске новых пещер, раскопке новых залов, ходов и выходов. Спасибо за Ю. Урал.

До свидания!

Л. Хван

Связь в 12:00, 13:00 и 14:00.

Сейчас утром не дождался, опоздал на 15 минут. У нас все в порядке, ушли вниз в 8:30 (город).

21.08.83 г. 10:35

Толм.

190883

Куда: г. Сумган

пл. Актовый зал

Кому: Пещерным людям

БЕСЦЕННАЯ

НЕТТО 10 кг

БРУТТО 0,5 кг

хранить в сухом, светлом и тёплом месте

Откуда: г. Сверху

От кого: от Ждущих, Страждущих, Верящих, Надеющихся и всегда С к у ч а ю щ и х

8.08.83 21:00

Физкульт-привет всем, у кого над головой небо, а не камешки. Костя, за день сделано следующее:

1. Отд. 5 забросило на маршрут и установило все лестницы (3). Провесили верёвку 9 м с бревна. Верёвка коротковата. Завтра поменяем на ту, что висит на отвесе от Кукольного театра. До лаза и ручья не дошли. Мужики устали, промёрзли, и я им в 18:00 разрешил вернуться в лагерь.

2. Отд. 1 весь день копало траншею. Особых успехов нет, хотя и работали непрерывно. Вода из сифона сливается. Уровень понизился. Завтра можно ожидать полного осушения.
3. Отд. 2 проткнуло пробку в ручье. Сейчас там грязевый сифон. На той стороне прослушивается большая полость (гулкий звук, когда ногами проталкивают грязь на другую сторону). Нужно ведро или даже два для отчерпывания. Просьба прислать завтра утром.

Лагерь поставили возле Слона, в начале Актового зала. Работали в ручье, копали до отупления, полного огрязнения и замерзания. На 20:00 сделано 60-70% работы. Сейчас работает 2-я смена. Мы страдаем страшным склерозом. Мы забыли в НБЛ асботкань, штормовку и вибрамы для Игоря, кружку и ложку для Виталика. Прошу прислать утренней связью. Приносим свои извинения за такой бардак.

Всё.

Шакалов

П.П.С. Игорёк доработался до того, что сказал: «Сейчас залезу в спальник и в темноте перемотаю плёнку».

Каково!

Большой привет всем от солнца, неба и кузнечиков. Алёне её любимые карамели. Любаша и Ольга сегодня покинули лагерь с надёжными попутчиками. Сегодня была первая экскурсия в пещеру. Коралловая, её прошли очень быстро. Ещё высылаем вам немного ягод, так что осторожно – в мешочке на дне ягоды.

Привет всем от нас.

Алёне привет от кепочки.

Ждём вас.
(Л.Х.)

Время 21:52 8 августа. Здравствуй, Костя!
Отчёт, составленный в короткие минуты отдыха.
Дети подземелья шлют опять привет!
В штольне роем глину, и конца ей нет.
Все давно уж в мыле, командир наш – нет,
Крику и лопату нам не отдаёт,
Роет, роет, роет – ну как будто крот.
Выходя из штольни, дружно месим грязь,
Юра же на солнце не идёт на связь.
Нам без Юры скучно, плохо стало жить.
Сухарец немного, хоть и много пить.
Сахар мы не сможем и за год весь съесть.
Ну а если сможем – на Эверест не влезть.
Сидя без работы, можно околеть,
Без свечей нам песни нашей не допеть.
Знаем, что у вас свечек 43,
Вышлите, пожалуйста, хотя бы штучки 3.

Анонимка, составленная в длинные часы работы мной и Любой.

Впятером в палатке
Было нам тепло,
Хоть чуть-чуть замёрзли –
Это ничего.
С потолка водичка
Капала всю ночь:

Слякотно здесь стало,
Некому помочь.
Службу быта просим
К нам сюда прислать,
И тогда мы сможем
Вас расцеловать.

Костя, спасибо за цветы и грибы.

До встречи. Пока. Наташа.

Лопатная бригада №1.

Примечание: пришлите, пожалуйста, свечи! Мы зажигаем последние; и не очень маленький кусочек сыра тоже пришлите.

Главный лопатник. Петров.

А также пришлите газолин и сухарей.

Виталья, здорово!

Итак: вы с Женей и Олей идёте вниз. Посылаю вам крючья.

Внизу: под к. Вейса – озеро, глубоко, с 1 м. Надо откачнуться на край гура – первому. А остальных выводить на край.

Дальше пойдёте прямо по гурам вниз под уклон, не сворачивая вправо и влево, в самый узкий, но высокий ход. Круто по глине вниз попадёте к Ниагаре – каскадный белоснежный натёк. Обойдя его справа, забравшись на натёки, глину, входишь в низкий узкий ход, в левой стене у пола грязный лаз, который приводит в Храм! Это надо посмотреть!

Если пойдёте вниз, попадёте к Реке. Ходите по широким ходам. Запоминайте дорогу назад. Зал «Ворота» - вправо от Ниагары – вы его узнаете. От зала ещё вправо можно выйти к основной шахте и в Ледяной зал.

Володя, Вадим пусть копают штольню, взяв перекус. Если сломают лопату – на связи поднимете.

Ира Созинова пусть дождётся группу Петрова и покажет им речку со шлангом, а потом Володя покажет им ручей.

Вечером связь в 22:00. Ждём вестей!

Серафимов

Неплохо бы усилить 5 отд. У них сейчас 3 чел. И не очень сильны. Отвечаю на вопрос по навеске в колодце Вейса. Наверху один конец 39 м, верёвки навешаны за шл. крюк. Второй крюк не забили, т.к. забыли молоток. Другой конец этой верёвки привязан за «ухо», которое на 2-3 м ближе камня, за кот. ты предлагал привязать. Верёвки хватило только-только. На 26- м. отвесе одна опора – массивный сталагмит, другая – «ухо». Обе вполне надёжны. Верёвки хватает с избытком.

В.З.

Наверху! Дети подземелья шлют привет и просят принести утром свечей 4-5 шт, гречки из запасов покинутой (на время) продуктовой платки 1-ого отделения (в полиэтилен. мешке, есть жёлтый, в цветочек, там гречка). Пришлите_ пожалуйста, кирку-лопату А.К. А также: 1 кресло и 4 мягких стула, цветной телевизор и вместо магнитофона – «телефон» с кинокамерой.

Мы успели немного: провели водопровод по гуровой речке. Лаз по ручью не копали (пришли туда поздно).

Всем огромный подземн. привет.

(7 августа)

1-ое отделение.

Костя, добрый вечер.

За сегодняшний день сделано следующее:

1. Отвели воду из сифона, сейчас сливается.
2. Штольню прокопали метра на два.
3. Сходили в нижний этаж в гр. Храм и к реке.

С работами на ручье мужики без меня немного сачканули, но завтра им это не пройдёт.

Первое отделение свои просьбы изложило в отдельной записке.

За 5 отделение прошу я: пусть пришлют 8 пачек супов из их запасов, 0,5 кг сала и пакет смеси. Пришли также указатель для туалета.

7 августа

Виталий

Привет, Костя!

Земля встретила меня ласково и нежно. Тепло, сухо, небольшая облачность. Дома, в лагере, меня сразу накормили, а пугали, что здесь голод. Выживем, не переживай!

Кутук-4 отменяется, т.к. Шакалов сказал, что надо делать топосъёмку от Сумгана до лагеря. Неужели мы так и не сходим в четвёртый? Москвичи собирают шмутки и уходят. Костя, во сколько ты завтра будешь подниматься?

Не забудь, пожалуйста, забрать из-под окна молоток вместе со сталактитами, которые мы с тобой забыли.

До встречи под солнцем.

Наташа.

8 августа. Огромный солнечный добрый день!

А может, и утро!

1. Просьба записки помечать числом.
2. Просьба мои записки собирать и прятать – потом подошьём к делу.
3. Сегодня: V отделение идёт в Глиняную систему, несёт сапёрную лопатку для раскопки лаза перед ручьём и две лестницы. Одну надо установить на спуске с Кукольного театра, где у нас верёвка, вторую – на подъёме в «катушку», где расклинено бревно (не забудьте поднять второе бревно, закрепить за него стационарно верёвочку, которую мы прислали 9 м), третью лестницу – на спуске со «лба» после катушки.

Далее: раскапывают проход к ручью в ходе, если идти по системе «право» из-под «лба». Смотри схему. И пусть копают ручей за лазом.

4. I отделение – целый день копают штольню и следят за уровнем озера Гуровой реки. Мужики помогают оттащить лестницы до Кукольного.
5. Спускается II отделение, усиленное Шакаловым Сашей. Их задача – в штанах от гидры – трое (2+1) копают «ручей» в слякоти. Трое – достраивают туалет. Указатель в мешке. Мы спускаем жерди и перекладины, гвозди и скальный молоток.
6. Просьба сейчас же на утренней связи прислать вверх свободные от травы трансы.
7. Пусть Люба из I отд. встретит II отд. и покажет им место лагеря и работы.
8. Опишите навеску на к. Вейса.
9. Сала не нашли.
10. Свечей осталось мало – только Н.З. Завхоз прохлопал, так что прислать не можем – экономьте.
11. Сегодня наверх выходит Женя. Дежурная группа будет ждать его в 21:00 наверху.
12. Особо Наташе: я долго боролся с искушением прислать тебе жареных груздей, но, увы, повара превратили их в угольки, посылаю вместо них цветочек.

Особо Ире: Не разбазаривай сердце! Вчера Игорь сказал – о, опять тяжело пошло, сейчас кусок селезёнки пришлёт!

Особо Оле: пламенный привет от Танзили и всех нас.

13. Особо Любе: завтра, 9-го утром, спускаемся мы с Лёхой, сразу же уходим на нижний этаж с целью установки лестницы и сушилки для работы в реке во второй заезд. Приготовь снаряжение.

Всё! Удачи!

«Земля».

9.8.83 Привет, мужики!

1. Вчера приехал Шеф и привёз телефоны.
2. Приходил пастух, просил вернуть миски, которые у него взяли. Прошу - не свои миски выдать вечером наверх. Виталья и руководители – разберитесь.
3. Сегодня график работ:

I отд. (кроме Любы) – задача – во что бы то ни стало откопать лаз на подходах к ручью в Глиняной системе, куда вчера не дошли мужики из V отделения.

III отд. – сегодня спускаются и идут с ведром на дальнейшую раскопку глиняного сифона за Кукольным.

II отд. – сменяя друг друга, копать штольню. Народу там много, пусть работают без передышки.

V отд. – с утра – попытка пройти Гуровую реку. Одевайте гидры – и вперёд. Если попытка неудачна, то засифоньте шланг поглубже и продолжайте откачивать. Пусть за водой следит II отд. – их много, их много, и они рядом на штольне.

Далее V отд. идёт в Северную систему и навешивает катушку на спуск в неё. Путь я покажу экскурсоводу Ирке. И – выход наверх.

а) V отд. оставляет внизу примус – в чистом и рабочем состоянии – и котлы для III отделения;

б) подъём надо начинать часов в 20 – иначе не управитесь.

Спасибо за стихи от всех. Вчера читали у костра!

От меня лично: спасибо девочкам за конфеты.

До скорой встречи!

П.С. Петров, - из общественных наших двух пачек осталось 13 штук свечей.

Где остальные?

П.П.С. Мне кажется, нужно полнее использовать женский труд, а то девушки под землёй скучают.

П.П.П.С. Шеф привёз телефон. Сегодня потянем провод в зону лагеря.

К. Серафимов

Пятому отделению пробросить телефонный провод до Актового зала. Не обрывать!

В ведре лежат: 1. Кружка с ложкой. 2. Сыр (последний). 3. Штормовка Игоря (в нагрудном кармане аэрозоль «Галазолин»). 4. Примус Ербола. 5. Вибрамы Игоря.

А. Кап.

Светлой вам работы!

А. Кап.

Выйдем в 14:00.

Всего наилучшего. Володя. 17.08.83 г.

В. Толм.

Ерболу, К. и другим от Романовой и других.

Ербол, привет с земли!

Как вы там устроились? Я завтра утром отбываю в Усть-Каменогорск. Если ты помнишь, я говорила, что ухожу на сплав, поэтому моя куртка будет мне нужна. Но, Ербол, ты можешь взять меховушку у Любы Толстиковой, она сегодня поднимается наверх. Посылаю тебе свою шерстяную кофточку с капюшоном. Смотри, не замерзай.

Любаша Т., оставь, пожалуйста, Ерболу меховушку, а Люба Хван обещала её тебе потом привезти. Ждём вас наверху.

От вновь прибывших: Любы Х., Нади Г. И Алёны привет всей группе и лично Любе Толстиковой.

Юру Капустян с Мишей повезли на тракторе в Сыртланово.

Танзиля, кто-то свистнул мои кеды, что значит – просто взял. Посмотришь потом, может, найдутся, синие, из джинсовой ткани.

Как настроение? Как встреча с друзьями? Чем занимаетесь?

Наташа (Нестеренко), поздравляю тебя с первым днём пребывания в Сумгане! Как тебя встретил старик?

«Советскому кино» привет от нас с Иринкой. Больших вам творческих успехов!

Лёха, а Иринку во 2-ой её заход в Сумган сними обязательно в зале Слона!!!

Ну, хоп.

Целую, Оля, Ира.

Всем детям подземелья горячий солнечный привет.

10/VIII – 83.

II/VIII. Уезжаю в Усть-Каменогорск.

Всем – счастливо оставаться!

Танзиля! Кеды нашла. Просьба привезти два моих транспортника! С голубовато-серой корсажной лентой. Транс из фильтроткани, большой, 90 на 50. Посмотри мою кружку: белая с зелёным ободком на дне. И чашка белая эмалированная средних размеров.

До свидания.

Косте Серафимову большое спасибо за то, что взял нас сюда, на Ю. Урал, это был незабываемый спелеоотпуск!

Оля Романова.

Доставить Серафимову при любой возможности или известить как можно скорее.

А. Кап.

Костя!

Сегодня, 18.08.83, в базовый лагерь пришли твои башкирские друзья: Рашид и Эльмира. Хотят вниз. Снаряжение имеют, кроме самохватов.

Привет Сумгану.

А. Кап.

Костя, привет!

Мы, Хамитовы-деревенские, приветствуем тебя и всех, кто там, внизу. Костя, как ты смотришь на то, что мы тоже хотим к тебе?.

Эльмира, Рашид

Здравствуй, добрый день!

Дорогой К.Б.

Ходил на экскурсию, насмотрелся всего, аж страсть.

При подъёме на 10 м уступ лестница обрывалась под нами трижды. Сначала подомной на земле, Вадик слетел с 2-х метров, а Миша слетел с 4-х метров. Пришлось её, бедную, выбросить, лежит она около палаток.

Навеска на 15 м колодце (Вейс) наводит при подъёме на грешные мысли. Прошу Вас горячо её заменить!

Остальное только радость приносит.

Возьмите кусок верёвки на 5-метровый уступ (зал Кубиков), спускаться – тоска.

Захватите остатки бензина на поверхности, сена людям (зачёркнуто) для спанья, особенно Шакалову.

Прошу отдельно:

1) чашку, ложку, кружку,

2) выделить Эльдару батареек для освещения, остался без блока, сгорел.

Усилить 15-м. колодец, и на 5-м. уступ для перил нужны шлямбура (пару штук).

Мы все живы-здоровы, желаем вам того же. Спать ложимся в 04:00. На связь выйдем в обед.

Толмачёв.

Горячий привет всем жителям подземного лагеря!!!

Мы надеемся, что эта записка явится лучом света в тёмном царстве. Мы поздравляем вас с открытием грота Бананового. У нас тоже кое-что есть, Константин Борисович!

Подробно описываем вход в Кутук-II доблестного IV отделения.

За сифонами помните систему глиняных болот? Так вот, когда проходишь последнее, поворачиваешь резко влево. А над болотом – окно, метрах в 5 справа. После прохождения довольно маленького хода (0,75 на 1), длиной метров 16, вываливаешься в параллельную галерею (Н – 8 м). Но по галерее висят расклинённые глыбы, и по ним добираешься до Большого грота с мощным каскадным натёком. Отсюда галерея начинается. Из грота вверх уходят два камина диаметром метра по 4. Видны приличные окна в каминах. Большой грот округлой формы, диаметром примерно 10 м, высотой примерно 6. Если пройти выше, попадаешь в узкий лаз, заканчивающийся глиняным шкуродёром. В шкуродёр мы не лазили. Мы прошли по галерее вниз. Галерея узкая (ширина 0,75 – 1 м), меандрирующая, высокая, высота постоянно увеличивается. Галерея явно промытая ручьём, стены серые, без натёков. Ручей активный. Путь преграждает глыбовый навал. Снизу пройти невозможно. Туда стекает ручей, но его русло перекрыто галечным сифоном. Мы пробовали обойти сверху, но остановились перед вертикальным колодцем Н 16 м. Галерея к этому времени достигала высоты 20 м. Слышен шум падающей воды, и внизу слышно воду. Эта галерея продолжается, и слева в неё вливается новый поток, образуя водопад. Очевидно, дальше течёт приличный ручей. Галерея уходит вниз и, возможно, расширяется, так что место очень перспективное, не говоря уже об окнах в Большом гроте. И теперь ещё одно обстоятельство. В Большом гроте мы нашли следы и пикет на полу №398. Ситуация странная: в ходе из окна следов не было, хотя на протяжении всего хода лежит на его стенах слой глины, следы было бы видно. Следы нашли на глине в Большом гроте, там же пикет. Очевидно, и галерея была ранее пройдена, но окна в Большом гроте и колодец – навряд ли. Нигде не было следов навески. Ответ может таиться в прохождении шкуродёра в верхней части Большого грота. Пикеты, встречающиеся у входа в пещеру (пикет №101), отличаются от того пикета. Тот написан фломастером зелёного цвета, а этот – просто карандашом.

А теперь гипотезы: галерея идёт параллельно засифонной галерее пещеры. Предполагаемый план:

По нашей гипотезе, водопад – это тот самый ручей А, который протекает через галечный сифон А и сливается с ручьём Б. И дальше они текут по предполагаемой галерее вниз.

Галерея очень извилистая, как в Зигзаге, только выше.

Остальное на словах под землёй. Жалко только, что мы не сможем пройти галерею дальше. Так хотелось бы. Там очень много работы, дня на 4 (если не больше). Эту работу лучше делать нам, или сколотить ударную группу. Работа там очень сложная. Приходится проходить в широком распоре с огромной возможностью вякнуть и пролететь метров 7, поздоровавшись с ручьём. В Большом гроте удобнее работать в кошках, поскольку чувствуешь себя на глине, как корова на льду. Кроме того, работа в каминах требует

техподготовки. Этот нас всех поразил, поскольку найдена, по существу, новая система (тьфу, тьфу, тьфу). Мы не ожидали такого от П Кутукской.

Надеемся, что и вас это обрадует.

В общем, шлём пламенный привет. До скорой встречи.

Доблестное IV отделение.

А. Ган., А. Ван., Е. Акс., Н. Нест., П. Луг., А. Кап.

П.С. Остальное, если не считать порванного пояса от Вашей гидры, сломанного фонаря, разлезшихся вибравов, многочисленных синяков, свежемороженых девчат, ожидающих нас внизу,

о т л и ч н о.

В распоре

Зинин: Уфа – плоский город!

Васюков: Начальник, если будешь меня наказывать, то учти – двое суток с Семашкой я уже отсидел!

(Ташильган)

Толя Капустян изображает по-пороссячи. Оля Романова:

- Ну надо же, как ласково хрюкает!

Толя замурлыкал. Оля:

- Я кошек не люблю. Я лошадей люблю. Если хочешь – поржи!

(привал за Яман-Тау)

На обеде перед Яман-Тау осталось много супа.

- Кто ставит на Капустяна?

- Нет, мы на Гановичева! Саша, ну доешь!

Саша:

- Да-а, сейчас уговариваете, а потом приучите!

На привале, перед последней ходкой за грузом Лёхи и Ербола, Лёха одолевает Ленку:

- Это что за замарашка? Это, кажется, ...!

Это кто там под бумажкой? Это ...!

Ленка бьёт единожды, но насмерть:

- Это очень бестолково,

То, что взяли Васюкова!

В лагере на Сумгане: позорный столб для грязной посуды!

Перед первым спуском в Сумган Ирка Созинова:

- Ты к нам будешь спускаться – примус разжигать?

Толя Капустян после выхода из шахты Юшиной:

- Наташка-промокашка! Весь ручей промокнула!

II отделение:

- Меняем Шакалова на грибы!

Собирается уходить домой Зинин. Лёха:

- Что-то ты, Женька, какой-то обмышелый!

Толя Каспустян:

- У меня нет ни одного бесстыдного места.

Лёха:

- Кроме кружки!

Люба Толстикова: Гидра – это профилактика от болтливости.

Толя Капустян – Танзиле:

- Одевайся.

- Я уже.

- Ну что? Хобу надела, так оделась, что ли?

Первый выход во II Кутукскую. Лёха:

- Дамы, дамы, посветите Жене,

Посветите Жене, вам говорят!

Толя Капустян из IV Кутукской:

- Интересная закономерность: если ты не видишь яму, она всё равно существует!

Первый выход через Эверест. На развилке у Змеевика от группы отстали Оля Романова и Созинова. Оля:

- Я отошла в зал, а там мышка летучая. Вот я испугалась! Бегом назад! Жутко тут одной, оказывается...

Ира:

- Грохот такой! Я думала – обвал! А это Оля топает...

Женя Зинин:

- Да-а, страшноватисто...

Из дневника: «Сегодня приехала Танзиля. Верхом, с тремя мужиками. Выкупили за поллитру.»

Из дневника: «Вместе с нами вниз спустилась Танзиля с Ленкой (Семашко). Танзиля всё время поёт, а Ленка молчит. Надо же!»

Лена Семашко поднимается по тросовой лестнице на 8-метровый камин в систему Вейса. Лезет через ступеньку, ворчит:

- Чего вы их [ступеньки] так редко поставили, ногой не дотянешься!

IV отделение копает глиняный сифон на ручье. Саша Ван по колено в жидкой глине лезет в сифон. Сзади Гановичев:

- Картина Шишкина – «Утро в сифоне»!

Из сифона раздаётся:

- Мне кажется, тут другая картина...

- Какая?

- Репина. «Приплыли»!

IV отделение копает штольню. Гановичев:

- Как назовём новый проспект?

Я:

- Так и назовём – «Штольня».

Лёха:

- Какин ход!

Я:

- Лёха! Сидя в этой шклеводине, я, кажется, изобрёл новый корабль.
- Какой?
- Шклеводинина.
- А я название капитану – шклипер!

Работаем в штольне. Народ подустал. Лёха:

- Начальник, темнеет – пора на ужин!
- Но я ещё полон упорства:
- Ничего, будем работать при свечах!

Лёха травит анекдоты:

- Мужик вышел в зал: «Э-эй!» Эхо: «Э-эй!» Мужик: «Э-эй!» Эхо: «Э-эй.» Мужик: «Э-эй!» Эхо: «Да надоел уже!»

Саша Ван недоверчиво ковыряет ложкой в супе, потом пробует:

- Нет, правда - суп... А сверху – вода, вроде.

Коля Петров распределяет работу:

- Витя, вот лопата. И чем глубже яма – тем лучше!

Лёха рассказывает после киносъёмочного выхода на Нижний ярус:

- Пристёгиваюсь я на подъём под колодцем Вейса, стою на ванночке, ору: «Ну вот сорвался в пропасть страх!..» Пристегнулся, ну и шагнул с края-то. Они считали – я высоко уже лезу, а я – в озеро, ка-ак ногами заколотил! Слышу – кричат. Они думали - я за своим страхом!

- Рассветает ту по свистку...

(из разговора)

Танзиля:

- Я сюда обязательно вернусь. Я ещё свою собаку должна найти.
- Ты её потеряла?
- Я её оставила... Я знаю – где.

Из записки с Земли: «Букет для всех (крапива – для Петрова).»

Из разговора: «Вчера Петровцы с Шакаловцами махались у колодца Вейса...»

«Старый Шеф – хитрый Шеф,
Не боюсь я тебя!»

(старинная спелеонародная песня)

Из разговора: «Подошли тут из Казани: четыре парня и три газели...»

Толя Капустян после осмотра перетёртой в колодце Вейса верёвки:

- Лучше поздний страх, чем раннее падение!

Толмачёв, взваливая на себя дополнительный мешок:

- Старый конь борозды не портит!

(дорога от Сумгана)

После возвращения из Северной системы Гановичев:

- Мужики, что мы смотрели! Па-де-де из балета «Сумган» - «Лебедь в распоре»!

На одном из перекуров у штольни мужики отходят в сторону. Возвращаются, и Лёха, давась от смеха и поглядывая в сторону девчонок, приглушённо сообщает:

- У меня на комбинезоне «молния» сломалась. Хорошо – четыре мужика было – вытряхнули за ноги. А если б дамы? Беда!

И тут же следует совет:

- Ну что... Делаеть вид, что поскользнулся, и падаешь в ближайшую лужу...

- Кашей всё забилось, аж не писается!

(подслушанная фраза)

Из дневника: «В Нугуш пришли около 17-ти. И сразу в столовую. Сметанка, оладьи, рыба с картошкой, компот. Далее – в магазин, усугубили пряниками. Потрясли промтовары. Девчата закупают мыло...»

- Алма-тётки, вперёд!

(боевой клич Алма-атинских спелеологов)

В Челябинске на вокзале Саша Гановичев смотрит на электронное табло. Читает:

- Так, время – 2 часа, число – 28-е, месяц... 48-й!

Толя Капустян:

- Да-а, наша экспедиция затянулась.

Довольный-довольный Шеф возвращается со связи:

- Я им напоследок подцепил к страховке ведро с кирпичом, а к основке – бревно. Вытащили! Кричали потом чего-то... Благодарили, наверное.

- Наташа вчера с Эвереста упала...

(из разговора)

Травят:

- А у нас в Черной Речке было! Мы только в пещеру спустились, а тут местные. С ручным фонарём, тоже решили. Мы слышим это дело – притаились прямо под входным лазом, фонари выключили. Первый лезет ногами вперёд. Ну и наступил, впотьмах-то, Шынгысу на руку. Тот как гаркнет: «Ну, ты, поосторожнее!» Беднягу чуть паралич не расшиб!

ДО СВИДАНИЯ, СУМГАН

Дорога от Сумгана

А. Гановичев

Ну, вот и всё, Сумган,
Последних метров грусть,
Снимается навеска, мы уходим...
А ждёт меня рюкзак и дальний путь.
Прощай, Сумган, недолги сборы – мы уходим.

И пусть закружит нас дороги хоровод,
Но на перронах шумных и в вагонах
Ты вспомнишь Ледяного синий лёд
И Актового сумрачные своды.

И затуманит нас невнятная тоска,
И вспомнятся друзей чумазных лица,
И первый спуск, и над колодцем облака,
И тот Сумган, который только снится...

август 1983 г.

Воспоминание

А. Васюков

Я вернулся в наш город совсем не чужой,
Вот я снова в делах и с друзьями,
Почему ж мне не спится порою ночной,
Почему весь я там, на Сумгане?

Не заменит мне звёзд хоровод свод далёкий Сумгана,
Сходства нет никакого в капели с небес.
Понял я, краше нет в целом мире обмана,
Что горящей звездой промелькнул и исчез...

Скажи-ка мне, дружище

А. Васюков

И день, и ночь кузнечики
Трещат, как заведённые,
От летних пряных запахов
Кружится голова.

Скажи-ка мне, дружище,
Скажи мне откровенно,
Кто может быть красивее
Сумгана-старика?

Не раз в походах хожены
Верёвки поистертые,
Влетят в колодцы мокрые
И упадут во мрак.

Скажи-ка мне, дружище,
Скажи мне откровенно,
Кто может быть суровее
Сумгана-старика?

И выбравшись из Вейсова
Колодца проклятущего,
Сидишь с друзьями в лагере
И греешься слегка.

Скажи-ка мне, дружище,
Скажи мне откровенно,
Кто может быть приветливей
Сумгана-старика?

Уютами, заботами
Семейными обласканы,
Вот вместе собрались мы
За рюмкой коньяка.

Скажи-ка мне, дружище,
Скажи мне откровенно,
Кто может быть желаннее
Сумгана-старика?

Друзьям

А. Гановичев

Случается, ко мне приходят те,
Минутные, восторги и печали.
И хочется довериться мечте
И вспомнить, где с тобою мы бывали.

Я вспоминаю нас с тобой таких
Измазанных, усталых, но счастливых.
С таким восторгом рвались мы в бой,
Шагая вглубь земли нетерпеливо!

Лучом фонарика мы вспарывали тьму
И к неизвестности стремились, словно к цели.
Упорным был наш труд, и потому
Достигли мы всего, чего хотели.

Друзья, уж скоро расставанья час
Пробьёт и принесёт разлуку,
Но наш светильник дружбы не угас –
Своим мерцаньем он разгонит скуку.

Мы сохраним до будущих времён
Святого братства животворный свет.
Через года его мы пронесём.
Друзья на жизнь не расстаются, нет!

* * *

Ну вот и встало солнце красное,
Разогнало остатки сырости.
Голубеет небо ясное –
Перед нами путь до Сыряти.
И, взвалив на плечи рюкзаки,
По дороге мы шагаем вниз,
Чтобы сбросить их внизу у реки,
Чтоб забыть, как до неё плелись.

Но проходит много дней чередой,
И всё чаще вспоминаешь ты,
Как, ругаясь, мы ползли домой
И как строили свои мечты.
И опять – уже в который раз –
Защемит в душе, и прочь покой,
Если снова бы вернуть тот час,
И под землю бы опять с тобой.

Но уймите боль душевных ран.
Мир велик, но хоть когда-нибудь
Всех нас вместе соберёт Сумган,
И опять сюда придёт наш путь.
Будет снова по логам туман
Расстилаться, словно белый пух.
Встретит снова нас старик-Сумган,
Лабиринтов мрачных властный дух.

* * *

А. Аксёнова

На Сумгане увидено много впервые:
Добрый лес и пещеры распахнутый рот,
И ромашки. А сосны стоят голубые,
Мухоморы бесшумно ведут хоровод.

Ну а главное – это надёжные люди,
Что в любую минуту на помощь придут.
Вам спасибо, что я наконец-то узнала,
Оценила, что значит пещерный уют.

А Сумгану родному большое спасибо,
Что красоты подземные все показал.
Я надеюсь, что скоро все там соберёмся.
Местом встречи пусть будет наш Актальный зал.

октябрь 1983

Некоторые размышления в дороге Сумган-Сирять и, в частности, о Серафимове

Е. Зинин

А жена моя сейчас
спать укладывает лялек,
шлёпает их всех по попкам
и мурлычет невпопад.
Ну а ейная свекрока
Говорит ей:
- Слушай, Танька,
Брось ты думать о пещерах,
Дети, вон, ещё не спят.
Ну а может быть ещё –
Нам с тобою повезёт,
Может, вовсе не вернётся
Спелеолог-обормот...

И всё это происходит,
Когда я, ругаясь гнусно, - в дороге
Или, может быть, ползу,
Самохватами скриплю – верёвка,

Я забыл твои глаза,
Допускать чего нельзя, - сноровка,
Небо-пятнышко вверху,
Свет струящийся внизу – на верёвке,
- без страховки,
- я.

А у кинооператора Алёшеньки
Настроение паршивое вообще.
Он-то знает, что напрасно
Не заснял того медведя,
Когда тот от Лёшки драпал по тропе.
И болит его желудок,
«Малыш» в горло не идёт,
Ну когда же наш Алёха,
Наш Васюков-Кутукский,
Он жену себе пещерную найдёт?
И всё это происходит,
Пока трещат кузнечики в саду (какой же сёдни день?)
Пока до дому доберусь – все мозги набекрень,
Пусть дома подождёт меня
Любимая вдова,
К своим сиротам я дойду –
ведь это ерунда.

Я иду я на Сирять,
Волоча по грязи ноги,
И такое вот виденье
появляется во мне:
Я увидел, как в Зигзаг,
в щель размером с промокашку,
всё сочится – и никак
наша славная Семашко.
Ей-то кажется, что там,
За ближайшим поворотом,
Будет зал размером с лошадь,
А до зала – метров сто.

И пока это происходит,
Я никак не пережую
Эту верёвку я,
Что вместо сала
Сунули мне друзья,
Хрен бы заставил кто
Меня эту дрянь жевать,
Если бы я сейчас
Так не хотел бы жрать.

А вот есть у нас субъект,
Кто, взойдя на Яман-Тау,
Храп издал такой, что трактор
Не приехал – чудеса!

Ну а коим, чтоб поспать,
Едва хватает целых суток –
Спят мышата, спят ребята
Двадцать два часа подряд.
И всё ж я думаю, что прав
Наш бугор К. Серафимов,
Местный бард и спелеолог
И прекрасный семьянин,
Он в одном произведении
(после тщательных раздумий)
Высказал такую мысль,
Что... где-то ждут нас пещеры,
Ждут Сумган и Ушбы,
Потому что мы верим
Только в главное – в дружбу!

* * *

Е. Семашко

Расскажу вам по секрету,
По секрету всему свету,
Как я Костю повстречала,
Как я Шефа повстречала,
Поняла, что я пропала,
Поняла, что я пропала.

Он привёл меня в пещеры,
Он завёл меня в пещеры.
Как Сумган я увидала –
Поняла, что я пропала,
Поняла, что я пропала.

Вот и песенка допета,
Не забыть мне это лето,
Не забыть мне это лето.
Как друзей я повстречала –
Поняла, что я пропала,
Поняла, что я пропала.

Из полевого дневника

К.Серафимов

29 августа 1983 г. 12:00

Лежу в поезде, в купе, на верхней полке. Где-то за окнами лают собаки, что-то стучит. В коридоре звенят стаканы. Лязгнул состав. Я лежу на спальнике и с наслаждением пишу.

Скользит за окнами состав. Гудит. И растягиваются в душе нити, связывающие нас:
Друзей уносят поезда,
И нас уносят поезда
За горизонт, туда, туда...
Увидимся ли? Нет? Когда?
Но вновь за окнами состав.
Свою печаль оставь, оставь!

Вся нашей жизни суета
Прощаньем стиснутого рта
Вдруг проскользнет мимо борта...

И в нас останется одно -
Все, что исчезло за окном,
И что пройти нам суждено,
И что совсем немудрено,
А просто.
Так, как решено.

Однажды, в ночь сомнений....

Поезд уносит меня домой, за окном пасмурно, и на душе пасмурно. Я столько дней не писал, и вот сейчас попробую восстановить все события последних дней.

Итак: 22 августа. Я переносюсь в Сумган, в его прекрасный удивительный мир, который подарил нам столько, что и не описать.

Лагерь. Наши сборы затянулись. Два Саши, посланные делать навеску, вернулись - не увидели веревку на полу (80 м!) и уплыли в Северную галерею. (Ха! Только что вспомнил, что не сняли, забыли, веревку с катушки в Северные. Подарок Сумгану!)

Подошли мы. Толя сделал навеску. Все медленно. Из шахты справа - голоса поднимающейся группы Ербола. Перед спуском Толя сказал:

- Знаешь, старик, как мне не хочется сегодня спускаться!

Я не обратил внимания на эти его слова. Ещё вчера, когда мы провожали на землю Наташу (Л), Толя говорил, что хочет вверх. Я совсем забыл, что так же не хотелось ему спускаться во II-ю Кутукскую, а после спуска, вечером, прихватило сердце.

Но мы ушли вниз. Сначала Толя, потом, с мешком, последний - я. Сняли обвязки. Унося мешок с "гидрами", двинулись в I-ю систему.

Мы или навстречу открытиям.

Работать начали по системе "лево"...

Этот ход привёл нас к меандру. По дну - ручей, лужи. Здесь мы всегда раньше останавливались - в ботинках не пройти. Теперь же - в сапогах - прошли свободно, оставив справа ответвление меандра. Вышли на развилку. Пока Ван корячился в ботинках по меандру, сунулись в первый левый. Низкий ход вывел в очень красивый грот. Понемногу собрались в нём все, глазели, ахали от натеков. Я хотел уже возвращаться, как вдруг глазастый Гановичев узрел в завешенной сталактитами нише низкий лаз. Полез. Я за ним. Глина, хожено. Оставляем справа развилку, ползем вверх.

Саша по самые сапоги ввинтился в шкурник. Прямо над ним - камин - метра три. Узкая вертикальная щель. Туго! Взмок, но вышел. Пока Саша пыхтел внизу, обследовал открывшуюся картину. Влево-вверх - пусто, вправо-вверх - щелевидная галерея и за ней - колодец-щель. Собственно, галерея продолжалась, расширяясь, внушительно гудела эхом. Под ногами, метрах в десяти, чёрная вода. Глубоко! Нужна веревка и "гидра".

- К.Б., я застрял!

- Иду!

Пока спускался, Саня вылез сам. Видно, не очень доверял моей помощи, а оставаться здесь ему не хотелось.

Помог ему влезть в камин. Уже вдвоем вернулись, покидали вниз колобки из глины. Глубоко! За спиной я заметил что-то вроде камин, высветил его фонарем, и Гановичев тут же туда взгромоздился. Влез, сказал что-то похожее на «Ого!» - и заглох. Тихо стало. Ушел куда-то.

Стоял, ждал, орал, свистел. Глухо. Идти вверх? И наши! Ну хоть бы один пошел следом!

Наконец, на грани моего терпения, (Саша уверял потом, что только быстренько посмотрел и назад!), послышался, а потом и показался Гановичев. Слез вниз, глаза горят. Новая галерея, меандр, в конце - круглый грот, геликтиты! Всего метров 30. Находка!

Оставив за спиной манящую эхом неизвестности галерею, вернулись. На обратном пути сбился влево по лазу. Выглянул из окошка - гротик. На полу, в вязкой глине - следы. Кто-то спрыгнул, потоптался и вернулся. Посмотреть?

Спрыгнул. Резко влево - ход с водой. Сине, глубоко. А что за углом? Так и есть!

- Саня, давай сюда!

Ползем по натечной коре. Чисто и гулко! Ход плавно заворачивает вправо и вдруг обрывается. Под нами голубое озеро! На противоположной стороне провала сверху вниз стекает белоснежный ручей с синими ваннами. В распоре, стараясь не пачкать глиной сапог нетронутую белизну, слезли на гур. Я засунулся по пояс над ванной - ход шел вверх и, похоже, даже расширился! Но в воду не полез - нужна «гидра».

Совсем обалдевшие от находок, в жуткой глине, мокрые, возвращаемся назад. Народ - в гроте. Дым, аж дышать нечем! Не жалея красок, расписываем им находки. Нас бьет боевой азарт, остальных - холод. Пора идти дальше.

Быстро возвращаемся на развилок и идем вниз по ручью, перепрыгивая через ванны, увязая в глине. Снова развилок. Идем влево и упираемся в узкий высокий меандр, за которым явственный шум воды. Сюда доходили Толмачев и Эльдар.

По очереди осматриваем меандр. Нам, толстякам, не пройти, но шум воды манит! Пытается Наташа (Н), но тоже за поворотом проваливается и застревает. Помочь мы ей не можем, даю советы, а сам лихорадочно соображаю, кого можно включить в спасгруппу: Ирку (Ф) да Наташу (Л) - все! А вдруг не пройдут?

Пока волновался, Наташа выбралась сама, набрав на память полные сапоги воды. Меандр устоял, но и мы отступили без потерь.

Выбираемся. У Толи серый вид.

- Что?

Можно и не спрашивать. Сердце. Вот оно нежелание спускаться. Он плохо себя чувствовал и ничего не сказал! Так хочется идти дальше, но...

- Худо?

- Пока держусь.

Первая мысль - отправить наверх Алёнку, Пашу, Наташу и Вана в качестве группы прикрытия, а самим с Саней продолжать поиск. Но вовремя екает - а вдруг не найдут дорогу, заблудятся? Это ведь Сумган. Или что в колодце?

Уходим все вместе. Дважды впереди идущие сбиваются с дороги. потихонечку добредаем до колодца. Как хорошо, что это не Вейсов! До связи с землёй ещё 1,5 часа.

Одеваемся быстро. Вверх уходят Сашки и Паша, и тут застревает Наташа - на целых 10 минут! Рвется стремя - бро-саю ей, благо, невысоко, реп. Рвется второе! Нет рогатки...

В конце концов парни выбирают ее через "автомат". Пока все это происходит, мечусь по дну колодца. Проклятье! Толя мерзнет. Аленка с мокрыми ногами.

Гановичев наверху убегает на связь. Просит кардиамин, зачем-то тёплые вещи. Обещают принести к 23:30.

И вот идет Толя. Страшно дышит на стене. Аленка - заиндевевшая статуя. А я мечусь по колодцу. Я умышленно остался внизу. Если что, снизу я смогу действовать эффективнее. А пока остается только ждать. Ждать! Только бы выдержал, старина, только бы выдержал!

И он выдерживает. Старый мужественный Капустян! Гора с плеч. Сразу становится холодно. Еле дожидаюсь, пока выйдет наверх Аленка. Согреваюсь только на подъеме.

Выхожу в 23:20, идем с Сашей на связь. На земле нет кардиамин, присылают валидол. Прошу закрепить вытяжки, чтобы в случае необходимости можно было выскочить наверх одному, конец связи.

На Земле - дождь, внизу - туман. Он поредел, но все ещё достаточно густой.

В лагере жуем, "шары" много: своей и оставшейся от Ербола. Толя, похоже, оклемался.

...И долго сидим с Аленкой. Это наша последняя "ночь" в Сумгане. О чем только ни говорим. Горит свеча.

Ложимся около 2 ночи. Хорошо, что натащили сена...

23 августа.

Встаем где-то часов в 9. Тяжко. Сплошное недосыпание. Сегодня мы выходим наверх. В 13:00. А пока собираемся. И не знаем, что самое главное Сумган нам приберет на самый конец!

Сходил к бревну в системе Вейса, взял крючья. На обратном пути забил очень плохой крюк над 4-хметровой стенкой. Смотал веревку.

Позавтракали. По связи - наверху дождь. Определил порядок выхода наверх, а пока с Гановичевым решили сходить в штольню - собрать лопаты, трансы, смотать шланг из озера. Так мне не хотелось идти снова через Эверест!

Около 12:00 мы все-таки пошли. На Эверест выбрались неожиданно легко. На перевале почудилась впереди фигурка в белом: лежит на спине, смотрит в источенный лунками потолок. До того четко увидел, что даже мотнул головой - галлюцинации!

А вот и Гуровая река, Хребет Динозавра, Штольня. Пока Саша сматывает вытяжную веревку, лезу в штольню за лопатами. Длинная! В самом конце глина дошла почти до самого потолка. Да... надежды не оправдались. Но ведь дует! Уже без всякой мысли стараюсь заглянуть в просвет между глиной и потолком. Мешает каска. Долой!

Что-то не то впереди... Мощусь, втискиваюсь в потолок. Что это чернеет там? Не видно, но сердце вдруг начинает колотиться быстрее. Хватаю лопату, сбиваю переднюю кромку глины. Впереди, буквально в двух метрах, зияет чернота! Свет не упирается в стену - он вязнет в темноте, высвечивая только арку свода.

Ору Сашке. Он приползает вихрем, смотрит:

- К.Б., там стена...

Какая, к черту, стена?

Опять ползу к щели. Вт она - арка! Смотрю на часы. Мысли - карусель! Наши сейчас начинают подъем. Провозятся часов до 18-ти. У нас есть время - часа 3-4. Надо копать!

Забываю о Земле, обо всем. Я уже знаю - мы сейчас пройдем. Куда? Не знаю. Но мы пройдем эти два метра! За ними неизвестность. Все усилия этих дней в наших руках! Почему же люди Ербола не сказали о расширении? Не видели? Не верили!

Пока Саша бежит в лагерь предупредить, что мы задерживаемся, яростно вгрызаюсь в глину. Рою лаз, лишь бы проползти. Глину отгребаю прямо по ходу, хорошо - широкий!

С каждой лопатой уверенность растет. Потолок идет вверх! Пытаюсь пролезть - узко. Вылезаю, копаю, долблю. Жарко! Копаю и боюсь: а вдруг все зря, тупик?

Прибегает Сашка. Взял у Толика свет. Начинает отгребать глину. Снова смотрю в щель. Похоже, пройду. Ложусь на спину и медленно вдавливаюсь в лаз. Прохожу!!!

Рывок, и я вываливаюсь в расширение. Низкий потолок широкой аркой идет дальше. Под ногами нетронутая глина. Кричу. Эха нет и в помине. Как в погребке. Неужели все? Сзади лезет Сашка:

- К.Б., подождите!

- Конечно! Слышь? Идет!- на душе неопишимо!..

Вот мы вместе. Медленно, не веря глазам, идем вперед. Свод лезет вверх. Галерея! Это настоящая галерея! Вот мы уже в полный рост!

Оцепенение сменяется бурной радостью. Мы что-то кричим, толкаем друг друга: смотри, смотри!

Мы в гроте, нет, в зале. Зал, как Женькина «Юрта» на Геофаке, только больше! Озираемся. Над нами идеальный вогнутый купол. Потолок снова снижается до трех метров, идем вперед, потолок все ниже и вдруг... взмывает вверх!

На нас обрушивается эхо. Какое эхо! Какой зал! Светло-серый потолок высоко над нами - метров 12-15. Пятиэтажный дом! Выше Геофака!

Наполняя грохотом зал, мы поем и кружимся, как дети: «Пуркуа па, пуркуа па, почему бы нет!»

И вот снова бежим дальше. Своды идут вниз, а нам так хочется, чтобы эта галерея не кончалась! Да... Вот и все.

Стоим у стены, под которую уходит русло ручья. Еще один глиняный сифон. Н теперь нас этим не испугаешь!

Оглядываюсь. Из тьмы зала к нам тянутся две цепочки удивительно четких следов. Обратного следа нет. Здесь только наши следы!

Обратно идам медленно. Осматриваем каждую подробность. Мы - первые! До нас тут не был никто. И пусть наша удача мала - она наша!

Так пусть будет галерея - Фортуны, галерея Удачи!

А какие здесь геликтиты! Особенно один— до 30 см!

Осматриваем русло ручья. Оно явно идет под левую стену, вот три воронки. В первой - дырочка, куда укатываются глиняные шарики, вторая - глухая, в третьей... ход!

Ходок, конечно, маленький, но ярко выраженный, и даже просвет до 5 см. Надо копать, и теперь уже никто не усомнится - стоит ли!

В зале поем. Удивительно чистое эхо! Нигде такого в Сумгане нет. Может, правда, нет, а может, потому что это - наш зал? А почему бы и нет? Наш зал - "Почему бы нет", зал "Пуркуа па"!

Маленький зальчик - "Купол". И вот - вход в Штольню. Сто шагов - около 80 метров.

Лежим на глине, не умолкая, обмениваемся впечатлениями. Надо же такое везение! В конце галереи над сифоном написали глиной: «КазССР 1983 г.» и мою старую добрую латинскую "F".

А еще я оставил трех «снеговичков» из глины слева по ходу.

Пора идти. Страшно жаль, но пора.

Лаз в штольне замуровываем напроць. Собираем лопаты. У меня садится свет, шланг прячем при Санином, точнее - при Толином фонаре, переползаем через Эверест. А у Идола горят свечи...

...На дне Большого колодца - Аленка. Не верит нам. А у нас морды счастливые: прошли!

...В 17:45 я выхожу последним под серый дождь.

Жмём руки. Все мокрые, грязные. Шеф, Юрка, Коля. Снимаем навеску, и Сумган сразу становится строже...

...И вот мы идем по тропе в лагерь. Ах, какие белые березки, как полегла трава, как хмуρο нас встречает Земля!

У костра в лагере - навес, народ - в гидрах, палатки мокрые. Нас встречают ребята. Мы соскучились по ним.

Весть о Штольне - словно вихрь! Нас тормошат, завидуют, не верят. Наташа в своем белом "подвенечном" комбинезоне, глаза горят:

-Ну как я могла не верить!

Так-то! Снимаем с себя грязь. Нас кормят восхитительной «шарой». И плевать на дождь, на холод, на пронизывающий ветер. Мы победили самих себя, мы вышли.

...А вечером был банкет! Под «поленоэтиленовым» навесом. Меню: суп, сухари с маслом, бутерброды с сыром и паштетом, картошка с тушенкой, и, наконец, торт! Самый настоящий! Молодцы, девчонки!

Пустили по кругу большую кружку с водкой. И каждый сказал что-то свое, каждый сказал хорошо. Здесь же и Толя с Ромой из Салавата.

...Шёл дождь, а мы пели под навесом. Рома принес курица. Стояли у костра.

Спать ушел в палатку со снаряжением. На веревках сухо и тепло...

...Стучат колеса:

Друзей уносят поезда,

И нас уносят поезда

За горизонт, туда, туда...

Увидимся ли? Нет? Когда?

Но вновь за окнами состав.

Свою печаль оставь, оставь!

Вся нашей жизни суета

Прощаньем стиснутого рта

Вдруг оборвется и отста... нет!

И в нас останется одно,

Все, что ночами решено,

Все, что прошли давным-давно

И что пройти нам суждено.

И каждый крюк, и каждый крюк,

И каждый взгляд, и каждый взгляд

Ты вспомнишь вдруг, ты вспомнишь вдруг,

Как тот искристый водопад,

Что падал, будто в вечность...

А ДОРОГА НЕ КОНЧАЕТСЯ...

Ещё одна дорога домой

К. Серафимов

Когда шуршит за окном, барабанит по веранде дождь, и туманятся непогодой сизые горы, на память вдруг приходят дороги. Давние и близкие, веселые и усталые, ночные и сияющие - они выступают в мельчайших подробностях. И будто окунаешься в мир запахов и улыбок, оттенков и полутонов. Это они дают вкус дороге. В них, как в шорохах вечернего эфира, волнами наплывают звуки прошлого.

Было ли все? Нет ли?

В стуке колес и гуле двигателей, в суматохе погрузок и выгрузок, в хриплом дыхании перевалов, в дымной тесноте ночевки катится вперед время. Все стремительней его бег!

Будто только что ложились на бумагу четкие цифры раскладок и кружилась голова от дум и мечтаний, - и вот она - Дорога! Вот! Ты на пороге. Ты вглядываешься жадно в судьбу.

Ты на пороге, на пороге, на пороге...

И хохочет под ногами дорога. Что это? Где мелькнул этот дальний поворот? Ах, как странно все кончилось! Все исчезло, кануло. Все ли?

Нет, не все. Просто ты снова вернулся домой. А дорога осталась. Там...- в прошлом. В запахах и улыбках.

Помнишь?

Первым к Солнцу ушёл Техник. Он долго кладал металлом, ввинчиваясь вдоль веревки в туманную вертикаль последнего колодца. Где-то наверху сиял день, и на дне Пропасти было голубовато светло. Фотограф не утерпел, выскочил прямо на снежный конус, поймал в объектив танцующую на подъеме фигурку.

- Во, кадр!

- Камень поймаешь,- предостерегающе сказал Съемщик. Фотограф "не услышал", но тут из Южного портала появился Командор, и фотограф, ворча, отступил в нишу.

Вслед за Командором из портала вылез Новичок. Вдвоем они снимали веревки с Нижнего яруса. И теперь за долговязой фигурой Новичка тянулась спутанная многометровая кудель.

- Не сматывается,- сочувственно покивал Съемщик, приподняв кудель двумя пальцами до уровня носа.

- Факт,- обрадовался Новичок.

- А как мы этот факт поднимать будем? А?

Командор покосился на них, лягнул о камни вязанкой карабинов:

- Кто-нибудь поднялся?

- Техник идет,- сказал Съемщик.

- О-о-дна!- ватно дошло сверху,

- Свободна верёвка,- перевел Фотограф. – Дуй, Съемщик, я тебя запечатлею.

- Шустренько это Техник...- Съемщик неуклюже полез на конус, забренчал железом.- Сейчас мы попробуем.

Новичок с отвращением ел глазами веревку. Здесь, на снегу, она казалась ещё более мерзкой. Новичок с надеждой взглянул на Командора. Тот отрешенно, как-то заморожено, смотрел вверх на исполинские влажные стены. Новичок вздохнул и взялся было за осклизлый конец веревки, но тут из портала показались еще две фигуры. Звон щебня под их ногами вывел Командора из задумчивости.

- Выплыва-а-ают расписные! - заскрипел на бугре Съемщик. - Дывьись, друже, кадр: Завхоз в обнимку с имуществом!

Завхоз пересек смежный бугор, уложил на камни лохматый тюк и зло плюхнулся сверху.

- Мешок разлезся,- сказал он.- Мы в палатку завернули. Пойдёт.

Фотограф галантно подал руку шедшей последней девушке, отобрал у нее транспортник:

Медведь ты пещерный... Заставляешь даму носить тяжести!

Одно слово - Завхоз!- гулко хохотнул с конуса Съемщик.- Ну, я пошел.

Завхоз хотел было возмутиться, но только махнул рукой.

С богом!

Там мешок остался,- сказала девушка,- с примусом и котлами.

Новичок с надеждой выпустил из рук веревку:

- Я схожу?

- Ты наверх готовься,- сказал Командор.- Вот веревочку смаркируйте с Завхозом - и давай. А я пока принесу.

Проходя мимо фотографа, кивнул:

- Проверь.

- Обязательно.

Новичок снова понуро взялся за веревку.

- Чего ты к ней привязался? - скучно сказал Завхоз.- Она тебе что, жить не дает?

- Так смаркировать надо...

- Не бери в голову. Давай сюда - так прицепим. Новичок с готовностью сгреб кудель, вдвоем они смотали ее в кучу, привязали к тюку: Там разберемся. На солнышке!

Что-нибудь брать надо?- Новичок посмотрел вверх, оглянулся на девушку.

Ты так вылезл,- сказал фотограф. - Хоро-оший колодец!

Чего - "так", - Завхоз толкнул его плечом.- Вон, карабины есть - цепляй.

Новичок поднял увесистую - карабинов в двадцать - цепь, оставленную Командором, оглянулся на девушку. Та что-то привязывала, сидя на мешке.

Пойдет. Куда ее?

А ты ее по французской системе, - невозмутимо посоветовал Завхоз.- На хвост цепляй.

Куда?

Завхоз деловито обошел Новичка и ловко прицелкнул карабины к его беседке, сади, чуть пониже спины. Фотограф фыркнул, будто закашлялся:

- Годится!

Ожидая своей очереди, Новичок бродил по нише, «хвост» закинул за плечо, и все равно цепь волочилась по земле. Съемщик начал подъем хорошо, но на самом верху колодца что-то застрял. Оттуда, из золотого венчика скал, то и дело с шелестом летели камни, с шипением взрывая снег.

Командор, прихрамывая, вышел из Южного портала, сбросил с плеча транспортный мешок:

А вот и я. Как у вас?

Смотри...

Командор поднял глаза и остолбенел: позвякивая извивающимся хвостом, в голубой груше неба корячилась черная, постепенно удаляющаяся фигура.

- Французская система, - фотограф, сотрясаясь, пытался совладать с объективом,- кадр века!

Горы встретили их ласково. Удивленно шумели янтарные сосны, глядя с отвесов на бурые от глины каски. И пронзительный воздух вливался в разбухшие от подземной сырости легкие. А вот трава пожухла, заржавела и прилегла, уступая солнцу красочной мозаике лишайников - выплеснутая на белые скалы палитра.

- Здравствуй, солнышко! Здравствуй!- девушка стояла на краю Пропasti, еще вся во власти подъема. Она стояла и вдыхала солнце, а вокруг уже суетились ее закованные в потрепанную броню рыцари,- отцепляли, отвязывали, щелкая карабинами, снаряжение. Лица в двухнедельной щетине хмуры, а глаза уже оттаявшие, улыбочивые. Вышли!

Ой, мальчишки!- девушка, пошатываясь, отошла вглубь площадки, опустилась в золотистое шуршание прошлогодней хвои.

Эва! Внизу! Свободно!

Как нереальны голоса! Теплые запахи! Небо!

Она пробыла в пещере всего три дня. А каково сейчас им, вернувшимся на Землю после двухнедельного отсутствия? Девушка перевернулась на спину, стащила с головы каску, платок. Волосы хлынули на хвою, будто стосковались. Посмотрела на парней. Они столпились у края, держась за растяжки. Веревки, будто выбеленная солнцем паутина, дрожа, уходили в Пропасть. Техник оглянулся, весело подмигнул, но тут кто-то сказал: вот он! - и все пришли в движение. Засуетились, потащили веревку.

Покачиваясь, к краю колодца плыл Командор. Он висел над стометровой каменной трубой, улыбался устало, радостно. Командор всегда выходил последним.

Все ближе чумазые лица...

Край. Белые, истертые временем, плиты. Солнце!

Его подхватили, оттащили подальше от края вместе с тяжестью набухших веревок.

- С приездом!

Где-то глубоко внизу гулко ухнул запоздалый камнепад. Пропасьт прощалась с экспедицией.

- Однако можно закурить!

Не снимая комбинезонов, они собрались в кружок у старой березы,

- Доставай, Техник.

Техник похлопал по карманам, виновато развел руками.

- Страдальцы!- засмеялась девушка. - Неужели все выкурили?

Обижаетесь, - Фотограф артистично щелкнул красной войсковой аптечкой.

Мать честная, «Прима»! Приберег же!

Курили смачно, бережно, до жгущего пальцы огонька. Соскучились на махорке по "цивильным" сигаретам.

Потом собирали веревки. Глинистые, мокрые, они удивленно выползали из тьмы Пропасты, нехотя свивались в восьмерки. Съемщик с Завхозом полезли снимать растяжки с солнечного венца скал над Пропастью, и пока они распутывали узлы, Фотограф не отрывался от объектива. Краски! Зелень сосен, небо - от лазури у скал до бездонного кобальта в зените, и эти уверенные, невероятно облепленные осыпающейся глиной фигуры среди берез. После черно-желтой гаммы Пропасты, после тьмы, обилие красок настораживало: не может быть! Как жалко, что кончается день!

Солнце лизнуло русые волны на плечах Девушки. Фотограф охнул, заторопился. Она смеялась белозубо, шутливо отворачиваясь, пока Фотограф окончательно не рассвирепел - кадр пропадает! Но все же щелкнул и тут же полез на склон повыше, чтобы схватить всю Пропасьт - сумрачный провал на дне крутоскальной воронки.

- Попрощаемся...

Они стояли на самом краю, обнимая глазами уходящие вниз стены. Прощались. Техник вытащил из кармана старый чуть поржавевшие крюк:

- Тихо!

Крюк бесшумно канул, ушел в Пропасьт. И вдруг удивительно чистая нота возникла в ее глубине. Тонкая, щемящая. Отскочив от стены, крюк пел прощальную песню.

Пока шли по тропе среди берез, унося снаряжение, Командор не мог отогнать тревожного чувства. Оно смешивалось с облегчением, наполняя душу неосознанной пока грустью. А потом понял, будто прозрел: ведь они возвращаются! Дорога близится к концу. Где-то там, в беззвездных ночах Пропасты, она незаметно повернула назад. Завхоз еще ломал голову над остатками продуктов. Техник латал снаряжение, и Съемщик, ворча, перелистывал испачканные странички пикетажных журналов, а Дорога уже близилась к концу. Потом, когда на последние три дня в подземный лагерь спустились с Земли Девушка и Новичок, ему на какое-то время показалось, что все только начинается. В лагере стало шумно и весело, а между тем экспедиция кончалась. Да-а-а...

Вот, собственно, кончилась. Теперь их ожидала дорога домой.

Перед дорогой им оставалась ночь в Избушке. Избушка стояла в километре от Пропасты, и сосны заботливо укрывали от дождей её потемневшие стены. И когда на горы упала ночь, они подняли над дощатым столом оббитые кружки:

За удачу!- сказал Съемщик.

- За людей, которые открыли для нас Пропасьт,- тихо сказала Девушка.

- И за Пропасьт, которая открыта для меня людей,- добавил Фотограф.

За наше пещерное братство!- сказал Новичок.

За тех, кто о нами, но кого нет среди нас,- сказал Завхоз.

За новую экспедицию!- сказал Техник.

- Да. За то, что мы еще вернемся,- улыбнулся Командор.

Утром собрались неожиданно быстро. Будто только еще Техник считал карабины, и возился с примусами Завхоз, а Новичок остервенело терзал не желавшую распутываться веревку - и вот уже уложены рюкзаки. Их вынесли из сеней, поставили у порога, и Избушка разом опустела, забелела по углам обрывками упаковок, старыми батарейками, заскорузыми рукавицами. Батарейки составили на окно, рядом с пачкой соли, мусор вымели, остатки дров сложили в сенцах. И заторопились. Солнце едва выкарабкалось из-за хребтов, а они уже шагали вниз мимо до удивления знакомых скал, выстроившихся вдоль тропы.

- Дня через три будем в городе,- сказал Командор.- Сегодня переночуем на Реке. Отдохнем. Места там!

- На Озеро сходим? - Девушка радостно блеснула зелеными глазами, замедлила шаг.

Конечно.

А правда, там из-под скалы вытекает река, что начинается в Пропасти? - Новичок тоже подобрался поближе, вытянул шею из-под рюкзака.- Прямо в Озеро, да?

Там река-а! - сказал Техник не оборачиваясь.- Мы ныряли два года назад. Красота! Помнишь, Командор?

- Река-а...

- Прошли?

- Пройдешь ее! Метро на глубине сорок метров.

- Ничего себе!

- Рыбки половим,- мечтательно отозвался спереди Завхоз,- Страсть соскучился!

Тропа легко катилась под ногами, и на душе было звонко, даже весело. Все сложное осталось позади: глиняные колодцы, камнепады, грохот падающего в Главной шахте льда, и промозглая сырость капли. Все было, все прошли, выдержали, сделали. А иначе не могло быть. И теперь впереди целых три дня дороги. До Реки, по Реке, и где-то там, в ее конце - Город, откуда уходят в разине концы их поезда.

К Реке выскочили к полудню. Раньше! Пока пробирались Ущельем, Фотограф все кричал и вертел объективом. Солнечные краски пылали ранней осенью, лизали бока каменных исполинов. Командор хотел сразу же заглянуть на Озеро. Вот она, тропинка - по осыпи вдоль исполинской золоченой стены. Но Техник отговорил. Бросим рюкзаки, сходим налегке, заодно дровишек соберем. На том и сошлись, а через полчаса уже, сгибаясь, протискивались в узкую дверь приземистого сруба. Он один сохранился от опустевшей пасеки.

Сбросив рюкзаки на нары, вывалили на откос. Река бежала синяя, как небо, искрилась на ближних перекатах, плескалась. Сказка!

Командор улыбался. Как невесомо было на душе! Сегодня утром, укладывая рюкзак, он совсем случайно обнаружил в его кармане сверток. Там было повидло! Вкуснейшее черничное повидло в пластиковых упаковках - целых две коробочки. Он совсем забыл про него. И не вспомнил даже к традиционному «банкету». Зато сегодня! Командор представил, как обомлеют ребята - ну, даешь! Зажал! И как вспыхнет восторгом лицо Девушки. Она больше всех стосковалась сладкому, а последний сахар они уничтожили на «банкете» -кутить так кутить!

Командор оглянулся. Ребята разошлись куда-то. И Техник исчез. Последний раз они с Техником были здесь два года назад. Тогда их лагерь стоял прямо в лесу. Вон там - за поворотом тропы. Пойти посмотреть?

Когда вернулся, понял: что-то случилось. Все были в сборе, деловито вытаскивали рюкзаки.

Везуха, Командор! - Новичок махал длинными руками. Командор ускорил шаг, почти взбегая вверх по тропинке:

Вы чего? Что случилось?

- Мы с Завхозом зафрахтовали трелевщик! - Фотограф радостно улыбался, представляешь?

- ...?

- Там ребята из бригады сплавщиков, - сказал Техник, - берутся подвезти вниз по Реке до Хутора. Семь верст. Оттуда будет машина. Надо ехать.

Командор почувствовал, как тяжелеет в груди:

- А как же...- недоговорил. Махнул рукой: – Поехали!

До трактора было с километр, и пока бежали вдоль реки, Командор все пытался перебороть себя. Но на душе было горько, будто не сбылось обещание чего-то прекрасного. Он настроился на эту ночь у Реки, она была нужна ему. Чем, он и сам не смог бы сказать, но на душе было горько.

Сплавщики, бородатые мужики, споро обвязали тросом бревно, подняли поперек наклонной плиты трелевщика, закрепили. Сверху увязали рюкзаки.

Садись, ребята!

Ты чего, Командор? - Девушка заглянула в лицо, будто встряхнула. Она похорошела, сбросив черную глину комбинезона. Красивая девчонка, он но замечал этого раньше.

Так...

Трелевщик кромсал лесную дорогу. Правый поворот не работал, и, разворачиваясь, машина с хрустом вгрызалась в сплошную стену обочин. Дорога дыбилась в небо, но неба не было. Вместо него со свистом проносились оттянутые кабиной ветки, нависали сплетенные сетью заросли, цеплялась за металл платформы хлысты. Яростная пляска дороги разогнала тоску. Было что-то первобытное в натужном реве двигателя, в клацанье гусениц, в треске раскрошенного дерева.

А потом «прогорел» Новичок. Он стоял у кабины, лицом в дороге, в своем новеньком ватнике. Когда понесло жжёной тряпкой, никто сначала не понял – откуда. А когда разобрались, от телогрейки Новичка оставалась уже одна огромная дымящаяся прореха. Уграздило же прижаться к выхлопной трубе!

Когда лес распахнулся к реке, и трелевщик, отчихиваясь солярным дымком, выкатился к Хутору, горохом попрыгали на землю. Здравовались - здесь были люди: ждали машину сплавщики и пастухи с ближних ферм. Разминали затекшие ноги. Похохатывали над злополучной телогрейкой.

Горы уже отступили, но все еще горбились радужными по-сентябрьски увалами. Сплавщики угостили "Севером", и Фотограф бережно упрятал в аптечку последнюю - куда пошло все: от остатков махры из карманных швов до сухарных крошек – самокрутку.

От Хутора до Села оставалось верст семьдесят. На машине - сущий пустяк. Наверно, они могли и не доехать, потому что шофер, во всю прыть погонявший их лязгающую бортовушку, на одном из перевалов встретил знакомого. Встречный «УАЗик» встал с ними борт о борт и, пока друзья-приятели не прикончили за встречу припрятанную под сиденьем поллитровку, дальше не тронулся.

Командор привык к таким дорогам. Поездили они с Техником по этим мостам два года назад, да и раньше.

Новичок выразился коротко:

- Чтоб я сдох!

А Девушка круглыми глазами молча вопрошала все по очереди всех подряд: «Неужели поедет?»

- Закон, панимаэш,- за всех отозвался Съёмщик.

И тут они ринулись дальше. Машина шла на удивление исправно. А когда на них выскочил из чащи лось, - замер на мгновение и с треском канул обратно в заросли, - и вовсе успокоились, отвлеклись.

- Мне б такие ноги! - мечтательно сказал рванувшийся было за фотоаппаратом Фотограф.

- И рога! - буркнул Съёмщик.

День догорал, выполаживаясь, как дорога.

- В город, ребята? - щетинистый мужичок, как и все, в телогрейке и кирзе, пытливо шурился - глаза, как прицелы.

- В город сегодня вряд ли, - сказал Фотограф.

Почему? - мужичок улыбнулся, и Командор поразился, как мгновенно преобразилось лицо. Улыбка была добрая, не по обличью.

Поздно.

Успеете. Мы вас до трассы подбросим. К автобусу должны успеть.

Мужичок присвистнул, но плечистый парняга-сплавщик кивнул:

Бригадир скажет - успеете.

Фантастика, - шепнула Девушка.

Всё остальное осталось в памяти рваными картинками ночи: тряска, белый свет фар, редкие огни, убегающие вдаль за бортом кузова. И ощущением гонки - успеют - не успеют?

Успели. На минуту позже - и ночевать бы на дороге. Но когда грузовичок распорол фарами перекрестье шоссе, справа, нереальный, как призрак удачи, выплыл автобус. Остановился.

Бегом, ребята!

Спасибо! Огромное.

- Чего там. Счастливо!

Торопливые жесты, тени с рюкзаками, заспанные пассажиры. И ещё - фотоаппарат. Одиноко лежащий в опустевшем кузове. Он запечатлелся в памяти вместе с обрывками ночи, как возможность потери, как счастливая находка, как облегченный вздох.

Оставшийся час в автобусе спали. Измученные тряской, изорванным калейдоскопом уходящего к звездам дня, завалились прямо на рюкзаки. Благо, автобус был полупустой.

Командор боролся со сном. Как никогда раньше, ему не хотелось, чтобы кончалась эта дорога. Подумать только, ещё сегодня они были у Пропasti! С щемящей нежностью смотрел на расправленные сном лица. Вот они, его ребята. Они уже дома во снах.

Уткнулся в рюкзак Съёмщик. Трудяга с адским терпением. Как они разозлились, когда Съёмщик заставил переснимать Готическую галерею! Нашел в пикетажке пропущенный азимут. И был прав, чего было злиться?

Топосъемка - наука точная. Пришлось снова лезть в глину, отсчитывать пикеты. Одно слово - "потосъемка"!

Завхоз* Притулился на сиденье. В экспедицию приехал чуть ли не в последний день. Все раскладки и закупки делались без него. Приехал, раскритиковал. Уже перед отъездом носился по магазинам. Выкопал где-то десять килограммов копченой колбасы. А тушенку, с руганью, все же оставили. Дороже? А воду в банках таскать?

Спит Фотограф. В обнимку - драгоценный фотоаппарат. Пижон и поэт. Отчаянный парень. Умница. Любит потрепаться, но это пустяк. Нынче в пещере пошел снимать и пропал. Сначала пошучивали, потом не на шутку забеспокоились. Наконец, бросились на поиски. Район быв несложный, но кто его знает?

- Наши Фотографа логическим путем. Припомнили все красивые места в районе и принялись их прочёсывать. В конце концов разъяренный Техник нашел на полу перед шкуродером сумку Фотографа и, продравшись сквозь узкий лаз, обнаружил объект. Забыв о времени, Фотограф трудился. Заткнув спиной выход из маленькой камеры, он ловил в объектив осатаневшую от бесплодных попыток улететь летучую мышь. У фотографа было мало пленки, и потому он хотел действовать наверняка. Мышь в полете - кадр! Но летучка сниматься не хотела. Категорически.

Выползший из лаза сзади Техник сладострастно пнул заиндеветшего Фотографа. От неожиданности тот вскочил, попытался таранить потолок и с проклятиями повалился на Техника. Правда, даже тут он успел нажать на затвор.

На следующий день у Фотографа пропал голос. Простыл-таки. Техник утверждал, что маэстро угробил связки, уламывая натурщицу. Фотограф шепотом отругивался.

Глаза слипались. Стекла автобуса - черные зеркала. Взгляд невольно задержался на Девушке. Девушку привел Фотограф. Съёмщик, ярый поборник суровых коллективов, было взбунтовался, но Командор считал, что хоть одна женщина быть в экспедиции должна. Для облагораживания. Техник его поддержал, а Завхоз к тому времени еще не приехал. В общем, включили.

- Чудак ты, Съёмщик,- говорил Фотограф в передышках между закупками. - Просыпаешься утром, а рядом щебечет ласковый голосок. Симфония!

- Да, - ворчал Съёмщик, - на третье утро рука непроизвольно нащупывает карбин...

- Не понимает, - констатировал Фотограф. - Скажи, несчастный, ты хочешь прилично питаться?

- Кто кого кормить будет? Знаю я их... Фигли-мигли и косметичка на три кило.

- Командор! - Фотограф перевоплощался в отчаяние. - И этот тип скормлен женщиной!

Девушка появилась, подала каждому тёплую крепкую ладошку, и через день казалось, что они знают её сто лет. Даже Съёмщик был сражён. Во-первых, Девушка знала компас, во-вторых, была в ладах с примусом, и, в-третьих, волшебным образом готовила обожаемую Съёмщиком селёдку под шубой.

Новичок всего этого не умел. И сразу честно признался. Его приход в группу для всех долго оставался загадкой. Просто однажды вечером Фотографу позвонили, и перед удивлёнными взорами возникла долговязая тень.

- Я всё знаю, - сказала тень. - Вы едете в пещеры. Хочу с вами. Куда угодно. Берёте?

Только потом выяснилось, что один из приятелей Новичка - старый знакомый Фотографа - однажды сказал:

- Ну чего ты маешься? Вон у меня друг - всё по пещерам лазит. Псих. Сходи к нему. Как раз для тебя, дурака, занятие.

И Новичок пришёл.

Надо отдать ему должное - схватывал всё быстро. Сачковал в меру. На «удочки» попадался исправно. Так что в экспедиции пришёлся к месту. А как он изменился за это время!

Техник завозился рядом, кутаясь в штормовку. Прямые волосы выбились из-под шапочки. Исцарапанные ручищи примостились на коленях. Карманы оттопырены. Как обычно! Завхоз рассказывал, что однажды они долго соображали (дело было в маршруте), что попросить у Техника такое, чего бы не оказалось в его бездонных карманах. Решили спросить тиски. Надо было видеть их физиономии, когда Техник невозмутимо выложил тиски и спросил, не нужны ли пассатижи. Тисочки были маленькие, детские, но это были тиски!

Все металлическое снаряжение экспедиции делалось либо самим Техником, либо под его руководством. Стоило прозвучать вскользь идее, Техник пропадал дня на два – на три, появлялся с заговорщицкой миной, да долго не выдерживая, выкладывал на стол очередную конструкцию.

- Вот. Сделал, - его ручищи гнули металл, как пластилин.

Командор любил ходить в паре с Техником. Командор всегда шел первым. В колодец ли, на стенку, в скользкий полукамин... И вообще хорошо шел, но в два раза увереннее - если за спиной монолитно высился Техник. С ним было надежно.

От автобуса до ночного поезда оставалось часа полтора. Пока таскали рюкзаки на вокзал, удалось разогнать сон. Но измученные дорогой мышцы гудели, и все чувствовали себя разбитыми - такой денек!

На вокзале оказалось Неожиданнолюдно.

- Давайте на перрон,- сказал Командор.- А я пока за билетами.

- Держи,- Командор протянул билеты Технику. - Проверь. Шесть штук Кажется, четвертый вагон. Прямые.

Техник машинально взял:

- Всё верно... Шесть. Стоп! Почему только шесть?

- Так я же не еду,- сказал Командор, - родня у меня здесь. Голову срежут. Я говорил, помните?

Молчали обескуражено. Фотограф крякнул.

- Ой, как жалко!- тоненько сказала Девушка.

- Я себе на послезавтра взял,- виновато сказал Командор. - Увидимся скоро.

- Свидимся,- хмыкнул Завхоз. - Не пройдет и полгода.

- Да, - помрачнел Командор.- Я и забыл, что ты теперь - Дальний. Всё хотел расспросить, как там устроился на новом месте...

- Чего там,- сказал Завхоз.- День какой-то сумасшедший.

- Чёрт! - сказал Съемщик. - И покурить нечего на прощанье. Вот жизнь!

- Как нет?- Фотограф достал аптечку, бережно извлек припрятанную самокрутку.-

По кругу, мужики!

Закурили.

- Ты пиши, слышишь?- сказал Командор. - Не забыл адрес-то?

Завхоз кивнул.

- Ребята, неужели поезд?

Тяжёлым гулом, затмевая станционные огни, наплывал состав. На перроне засуетились, забегали.

- Ну, давай!

- Грузись, народ. Потом!

- Рюкзак подкинь! От, дьявол, толстый!

- Лапу держи!

Они сбились в тамбуре, становились на цыпочки, махали руками. Вагон тронулся, покатился плавно, будто сомневаясь. Командор, непривычно маленький, шагал следом. Он что-то крикнул, потом вдруг повернул назад, к рюкзаку. Канул в темноту.

Поезд катился все быстрее, но тут в освещённый круг ворвалась вдогон знакомая фигурка. Какой-то сверток в руке:

- Держи!

Перрон оборвался. Канул в ночь.

Купе подслеповато желтело ночной лампочкой. Пока Фотограф разворачивал сверток, навалились плечами, окружили столик. Что-то выпало из газеты, увесисто стукнуло по пластмассе.

- Ой!- сказала девушка. - Ой!

Это было повидло. Черничное повидло в пластиковой упаковке - целых две коробочки.